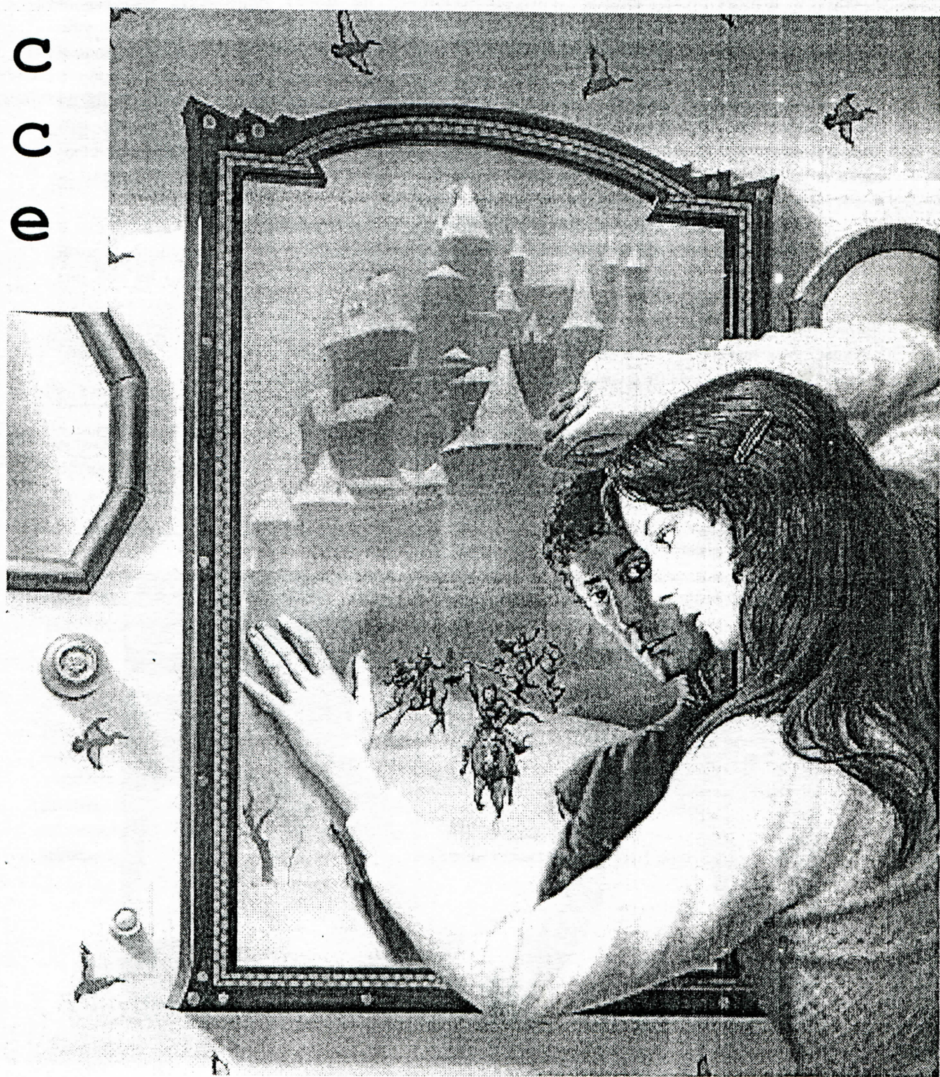

Апрель, 1998 год

В номере: Прошлое, настоящее и будущее «Аэлиты» – Анжелика в Серых Горах: теория и практика войны полов в современной фантастике – Анджей Сапковский в КЛФ при «Стожарах» – Из библиотека герцога Бофора – Наш фотоархив

Ш
О
С
С
Е

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ № 2, или Работа над ошибками.

Итак, первый (нулевой) номер нашего журнала вышел в свет. И даже разрешелся довольно приличным для нынешнего фэнзина тиражом в полторы сотни экземпляров. Само собой разумеется, большинство отзывов на появление "АШ" (особенно – отзывы старых фэнов и фэнзинеров) были далеки от восторженных. Например, соредакторы "Страж-птицы" Горнов и Диденко со свойственными им находчивостью и остроумием хором обозвали "АШ" "жалкой пародией на "Двести".

Пусть обзывают. Беда наша не в этом, а в конкретных ошибках, допущенных в первом номере. Так, фирма "Интерпрессервис" не могла принимать участия в организации "Интерпресскона-97" по одной простой причине: этой фирмы вот уже несколько лет как не существует в природе. И премия имени И.А.Ефремова досталась в 1997 году Евгении Стерлиговой, а мемориальная имени В.И.Бугрова – Вл. Гакову с компанией, а не наоборот, как было указано в одной из статей. Более того, многие из приехавших на "Аэлиту-98" выражали недоумение по поводу заявления нашего корреспондента, что на официальном вручении прошлого года не было-де практически никого из приезжих. Что ж, просим прощения у всех, кого мы невольно задели – особенно у трезвого фэна Андрея Самойлова (Уфа).

Садясь за редактирование этого номера, мы поставили задачей сделать его в первую очередь более разнообразным по подбору материалов, чем предыдущий. Одной из главных (и стержневых) тем этого номера вновь стала "Аэлита", только на сей раз уже нынешнего, 1998 года. Вторая тема – женская фэнтези и женщины в фэнтези (это к прошедшему 8 марта). Тема сия представлена двумя статьями, одна из которых, по слухам, уже появилась в журнале Бориса Сидюка "Империя". Но кто ту "Империю" видал? Даже авторские экземпляры добрались еще далеко не до всех...

Вот, собственно, и все, что мы хотели вам сказать. Как это не банально звучит, оценка журнала – дело читателя, так что вам и карты в руки. А еще лучше – вместо устной критики что-нибудь напишите. И пришлите нам...

С уважением,
Редакция.

Российская государственная
библиотека для молодежи

80005612

Анизотропное Шоссе № 1

(Апрель 1998 года)

Критико-публицистический фэнзин

Над номером работали:

Василий Владимирский,
Владислав Гончаров

Корректор:

Наталья Мазова

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

190068, Санкт-Петербург,
Вознесенский пр., д. 36

ТЕЛЕФОН:

311-56-31 (раб.)
FIDO: 2:5030/581.5

Редакция благодарит за помощь:

Андрея Николаева,
Сергея Бережного,
Николая Юганова

В номере использованы рисунки Оксаны Романовой и Всеволода Мартыненко

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов. Присланные рукописи не возвращаются и не рецензируются. Авторские права на публикуемые материалы, если они не оговорены особо, принадлежат авторам публикуемых материалов.

СОДЕРЖАНИЕ :

Горькая тема:

Владислав Гончаров
«Аэлита-98» как зеркало русского фэндома..... 2

Несколько слов по поводу (И. Кузовлев, В.Крапивин,
Е.Пермяков, И.Халымбаджа).....6

Диалог:

Елена Первушина
Война полов в современной фантастике..... 10

Наталья Мазова
Бронзовый дракон и серебряная рысь.....15

Реплика:

Владислав Гончаров
Ангелика в Серых Горах.....24

Интервью: классики и современники:

Алджер Сапковский: «Я стараюсь писать хорошую фэнтези».....29

Полина Копылова.....36

Антон Первушин.....43

Оптимистическая парадия:

Анатолий Гусев
Кавалеры оловянных звезд..... 46

Библиотека герцога Вифоры:

Антон Эррандал
Новые сказки Севки Глушенко..... 50

Горячая тема

Владислав Гончаров

«АЭЛИТА-98» КАК ЗЕРКАЛО РУССКОГО ФЭНДОМА

Печально все это, товарищи.

А ведь в прошлом году, когда после трехлетнего перерыва вновь возродился знаменитый уральский фестиваль фантастики «Аэлита», все надеялись на лучшее. Еще бы – у фестиваля наконец-то появились деньги, то есть нашелся спонсор. И не беда, что спонсором этим стала администрация местного книжного рынка, в фантастике разбирающаяся лишь с сугубо прагматических позиций и в основном заинтересованная лишь рекламой своего заведения. Главное – появился богатый дядя, готовый оплатить призы и приезд лауреатов. Торжественное же вручение призов прямо посреди работающего книжного рынка – есть в этом что-то от «Странника»: вспомните акцию «Детки в клетке». На прошлогоднюю «Аэлиту» приехало не более сорока гостей, но все предполагали, что в этом году будет лучше. Недаром же проведение фестиваля перенесли с мая на март – чтобы не устраивать его через неделю после «Интерпресскона». Впрочем, был в этом и еще один резон: возникла идея совместить «Аэлиту» с «Эльфийским Новым годом», он же «Веркон», вот уже три года устраиваемым в марте местными толкиенистами-ролевушниками. Благо первоначально свой Новый год екатеринбургские эльфы проводили все под той же гостеприимной крышей редакции «Уральского Следопыта».

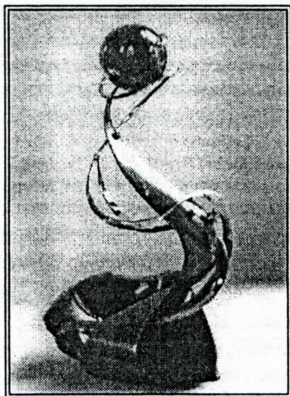
Ох уж эти эльфы...

Нет, я когда-то и сам относил себя к толкиенистам, а ролевыми играми увлекаюсь до сих пор. Но в этом году, мне, кажется, удалось понять, за что благопристойные фэны (а вместе с ними и немалая часть цивилизованного человечества) относятся к тусовке, именующей себя любителями ролевых игр на местности, со снисходительным презрением, иногда переходящим в плохо скрываемую гадливость. А как бы лично вы отнеслись к шумной и не стопроцентно трезвой толпе в туристической одежде, с торчащими из объемистых рюкзаков мечами, около часу дня внезапно вваливающейся в не слишком большое помещение библиотеки ДК «Урал» как раз на середине проводимого здесь семинара по фантастиковедению? Особенно при условии, что происходит это уже на второй день конвента. И я вполне могу понять возмущение Андриуши Коломийца, когда один из местных эльфов на карнавале заявил ему, что ни про какую «Аэлиту» слыхом не слыхивал и знать не знает, а проводится здесь конвент с абсолютно другим названием – «Веркон». Если бы я знал этого эльфа чуть меньше, я бы тоже обиделся...

Но лучше начать все по порядку. Итак, «Аэлита-98» проводилась в городе Екатеринбурге с 26 по 28 марта указанного года (с четверга по субботу). Гости съехались на нее не так уж и мало – только число зарегистрированных участников перевалило за сотню. А ведь были и местные (в основном ролеви-

ки), да еще часть народа подъехала позже и зарегистрироваться просто не успела. География участников тоже была самая разнообразная, но в основном присутствовали Сибирь и Урал – по несколько представителей прибыло из Новосибирска, Омска, Тюмени, Челябинска, Уфы и Перми. Плюс целых тринадцать человек москвичей. Присутствовали такие знаменитости, как писатели Геннадий Прашкевич, Юлий Буркин, Сергей Лукьяненко и Александр Громов, мэтр Каширин, Воха Васильев, А. Диденко, Н. Горнов, Е. Харитонов и многие другие. Это не считая главного лауреата.

Кстати, о лауреатах. После публикации в «Книжном Обозрении» номинационного списка «Аэлиты» имело хождение множество мрачных пророчеств. Кое-кто даже предполагал, что «Аэлиту» дадут Головачеву. Или Бушкову. Действительность же, что называется, превзошла самые смелые ожидания –

премию получил Евгений Гуляковский. Хотя ничего удивительного в этом вовсе не было. Ведь первый (и лучший) роман Гуляковского – «Сезон Туманов» – впервые был опубликован именно в «Уральском Следопыте», причем ровно двадцать лет назад. Нельзя же не отметить столь круглую дату!

Нет, я ни в коем случае не ставлю под сомнение авторитет и компетентность, к примеру, Игоря Георгиевича Халымбаджи или ответственного секретаря «Следопыта» Сергея Ивановича Казанцева. Тем более что второе место по итогам тайного голосования занял-таки Андрей Лазарчук. Но в жюри «Аэлиты» ведь состоит одиннадцать человек. Голосовало из них, на-

сколько я понял, девять. С современной отечественной фантастикой они знакомы, мягко говоря, не очень сильно. По крайней мере мой старый приятель по КЛФ «Радиянт», ныне состоящий в этом самом жюри, так и не сумел вспомнить название единственной книжки Лазарчука, которую читал лет семь назад. Помнит только, что там предисловие Переслегина было. То есть, будь в списке Переслегин, может быть, ему бы «Аэлиту» и дали. А так – пожалте бриться: Гуляковский. Его-то в «Следопыте» читали все. Благо, и читать в те времена было особенно нечего.

Правда, в последний момент чуть было не удалось все переиграть, поскольку Гуляковский поначалу не захотел приезжать лично: дескать, у него роман для «ЭКМО» недописан, а сроки сдачи полгода уже как прошли. Тут же у Халымбаджи возникла мысль: раз лауреат отказывается ехать (а Булычева, чтобы передать премию через него, как это было с Гансовским в 89-ом, под рукой нет), вызвонить Лазарчука и, если успеет приехать, вручить премию ему. Чтобы другим неповадно было кочевряжиться. Однако в конце концов решили не менять лауреата за спиной жюри. А затем и Гуляковский все же решил почтить «Аэлиту» своим посещением.

Имена остальных лауреатов особой неожиданностью не стали. Премию

«Старт» (лучшая первая книга молодого автора) получил Михаил Тырин из Калуги за сборник «Тень Покровителя», выпущенный в «ЭКМО». Книга эта, на мой взгляд, была не хуже и не лучше большинства других дебютов прошедшего года – в основной своей массе достаточно серых. Ефремовская премия досталась Александру Каширину (Москва) за клуб в магазине «Стожары». А приз памяти В. И. Бугрова получил С. И. Казанцев, когда-то сменивший Виталия Ивановича на посту редактора отдела фантастики «Уральского Следопыта», а ныне же являющийся ответственным секретарем журнала.

Организаторами фестиваля в этом году были: все та же редакция журнала «Уральский Следопыт» (он жив и здоров до сих пор, хотя еще раз снизил тираж – до трех с половиной тысяч), ассоциация «Аэлига» и ТОО «Книжный клуб» (собственно, спонсор). Места проведения – библиотека ДК «Урал» (семинары по фантастиковедению, библиографии, фэн-прессе и ролевым играм, четверг и пятница), книжная ярмарка в культурно-оздоровительном спорткомплексе «Россия» (торжественная часть, суббота) и карнавал в помещении кинотеатра «Стрела» (тоже суббота, вечер). Еще был семинар молодых авторов в помещении музея писателей Урала, пресс-конференция в каком-то официальном месте и рыцарский турнир в школе № 164, но на этих мероприятиях я не был, потому что ездить каждый день в четыре разных конца города сил не хватит ни у кого. К тому же прошлогодний литсеминар выглядел донельзя скучно, а предполагаемый контингент участников турнира, виденный мною накануне в библиотеке, не вызывал ни симпатии, ни интереса.

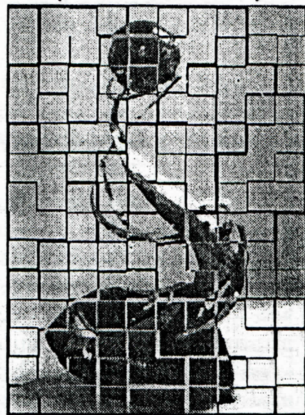
Одним словом, тому, кто хотел побывать на всех без исключения мероприятиях, пришлось бы очень сильно побегать. И то литсеминар с фантастиковедением шли в параллель. Оставалось только с ностальгией вспомнить прежний ДК «Автомобилист», в котором проводилось большинство прежних «Аэлит». Но здание «Автомобилиста» пару лет назад оттяпала себе местная епархия. (Не имея на то, кстати, никаких юридических прав – в прошлом здесь действительно размещалась семейная церковь купцов Демидовых, но были те купцы единоверами и к официальной РПЦ отношение имели достаточно слабое...)

В итоге, несмотря на формальное обилие мероприятий, конвент оказался довольно пустым. И не только из-за разбросанности, но и по причине общей апатии участников. Большинство москвичей вообще предпочитали семинарской работе свое любимое времяпрепровождение на конах – хождение в баню. Да и у устроителей «Аэлиты» тоже наблюдались организационные проблемы – желающих дежурить по редакции, встречать приехавших, бегать по разным мелким делам среди местных фэнов почти не осталось. Основную часть работы опять пришлось выполнять многожилному Халымбадже. Зато в руководителях и распорядителях недостатка не ощущалось. При этом надо сказать, что предварительная реклама фестиваля была организована весьма неплохо: публикации в местной прессе, выпуск сборника рассказов по материалам прошлогоднего литсеминара и даже специальный номер некоего информационно-художественного журнальчика, целиком посвященный прошедшей и предстоящей «Аэлитам», статьям о фантастике и движении ролевых игр, прозе и

стихам молодых авторов. С иллюстрациями самой Стерлиговой! И на торжественном вручении призов пресса и телевидение присутствовали в немалых количествах. Так что внешне все выглядело вполне солидно и благопристойно.

Кстати, опять о ролевиках. Именно они должны были организовывать завершающий «Аэлиту» карнавал, и, памятуя о немногочисленном, но милом бале прошлого года, можно было надеяться, что в этот раз будет сделано что-нибудь гораздо более грандиозное. Увы, даже здесь пришлось разочароваться. Карнавала и громко обещанного костюмированного бала как таковых не было вообще. Была некая игра в шарады по образцу КВН, но на толкиенистские темы, затем три-четыре песни под гитару в микрофон (это называлось концертом) и маловразумительная тусовка в фойе кинотеатра. Хотя организаторы грозилась пускать без карнавального прикида только приезжих, каких-то особых костюмированных изысков оказалось очень мало. В основном, были просто мечи (деревянные и пластиковые), эльфийские туники да хайратники. Увидев двух девушек в серебристых космических комбинезонах, кто-то из присутствовавших представителей «правильного» фэндома радостно воскликнул: «А вот и твердые фэны!» На что одна из девушек резонно ответила: «А где это вы видели фэна в костюме?» Автор же этих строк очень обломался, изображая Петера Милле (пятнистая форма, короны на погонах и видеокамера на плече) – как выяснилось, Лазарчука из присутствующих здесь тоже почти никто не читал. Даже фэны...

И в заключение – о перспективах. Совсем уж грустное настроение, образовавшееся у меня после фестиваля, слегка развеял разговор с главным редактором «Уральского Следопыта» Германом Ивановым. Да, то, что «Аэлита» получилась, мягко говоря, не совсем удачная, он понимает прекрасно. Да, надо что-то делать. В первую очередь с самой премией. Наверное, самый первый и когда-то самый уважаемый в нашей стране приз за достижения в области фантастики должны все-таки присуждать люди, разбирающиеся в этой самой фантастике куда больше, чем нынешний состав жюри. И лучше бы, чтобы люди эти жили и были известны не только в Екатеринбурге, но и по всей стране. С самой организацией фестиваля тоже придется что-то решать: прогорающих кинотеатров и Домов культуры в городе не так мало, поэтому снять подходящее помещение для проведения в нем всех мероприятий будет не так уж сложно и дорого. Еще лучше, конечно, устроить все за городом на какой-нибудь турбазе (как это было в 1990 и 1992 годах), но это уже потребует гораздо больших денег. Спонсор у «Аэлиты» пока есть и вроде бы не отказывается финансировать ее и в следующем году. А если еще и установить какой-нибудь оргвзнос (эта «Аэлита» проходила без оргвзноса вообще), то, может быть, и удастся набрать нужную сумму...

Может быть. Словом, вроде бы все не так плохо, как может показаться. А посему нам остается лишь ждать следующего года. И пожелать «Аэлите» удачи – она ведь сейчас ей очень нужна.

11.04.98

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ . . .

ОТ РЕДАКЦИИ: Что ж, поздравляем всех лауреатов премий, вручавшихся на «Аэлите-98» – пусть даже в номинационных списках некоторых из этих премий и присутствовали более достойные по нашему мнению кандидаты. Впрочем, о событиях нынешнего уральского фестиваля фантастики можно дискутировать долго и со вкусом. Мы решили этого не делать, а предоставить слово самим членам жюри «Аэлиты».

* * *

Игорь Кузовлев, редактор и издатель журнала «Новый ПиФ»:

Состав жюри в этом году практически полностью соответствовал тому составу, который был и раньше. В него входили бывший главный редактор «Следопыта» Станислав Мешавкин, нынешний редактор Герман Иванов, Владислав Петрович Крапивин, Сергей Иванович Казанцев, плюс несколько человек, которые не столь известны в фэновских кругах: Виктор Мясников, делающий много для организации «Аэлиты» и ведущий, в частности, семинара молодых авторов, Женя Пермяков, естественно, Игорь Георгиевич Халымбаджа... Ну, и я туда попал по старой памяти.

К тому, что получилось в результате голосования в этом году, я отношусь совершенно нормально по той простой причине, что для меня эта «Аэлита» – последняя в ряду старых «Аэлит». Из тех авторов, которые писали еще в советское время и оставили какой-то заметный след, Евгений Яковлевич – последний, не имеющий «Аэлиты». Сказать, что Гуляковский заметного следа не оставил, было бы не совсем верно. Взять хотя бы «Сезон туманов». Вещь была... Я отлично помню, какое она на меня произвела впечатление в те годы, в семидесятые. Может быть, сегодня она смотрится гораздо слабее на фоне того, что выходит ныне, но она даже сейчас неплохо читается. Как бы я уважительно не относился к тому же Сергею Александровичу Снегову, его трилогия сегодня читается с большим трудом. Она очень советская, очень наивная. Я считаю, что последнюю точку в советской фантастике надо было поставить. Ни одного автора из тех, что начали публиковаться в шестидесятых-начале семидесятых годов, в живых уже не осталось. Я не беру местных авторов. Да, есть Тупицын, есть наш Слепынин, но на всю страну они в свое время как-то

не прозвучали. Поэтому я отношусь к сегодняшнему вручению нормально и считаю, что это нужно было сделать.

Мы даем премию не конкретному человеку за его убеждения, мы прекрасно знаем, что тот же Александр Бушков, который тоже был в списке претендентов на «Аэлиту», в своих политических взглядах бывает крайне резок. Но на творчество его мировоззрение не влияет, на мой взгляд, абсолютно никак. Это совершенно разные вещи. Когда я был на одной из книжоторговых ярмарок в Красноярске, то ли Успенский, то ли Лазарчук сказал по поводу Бушкова: он, мол, пишет совсем не то, что говорит, а прямо противоположное. То есть он заявляет одно, но в своих произведениях утверждает нечто совершенно иное. Я прочел одну из последних вещей Гуляковского – не скажу, что она меня очень порадовала, я ожидал от нее большего, – но эту точку надо было поставить. Может быть я не прав, но таково мое мнение.

* * *

Владислав Крапивин, писатель:

...Как я отношусь к лауреату «Аэлиты» этого года? Ну-у... Хорошо отношусь. Я член жюри, я принимал участие в присуждении, и мне кажется, что это вполне достойный автор и лауреат. Мне кажется, что в ряду предыдущих лауреатов премии он смотрится совершенно нормально. Да, я полностью одобряю этот выбор.

* * *

Евгений Пермяков, активист КЛФ «Радант»:

В принципе я не хотел бы оправдываться сам и как-то оправдывать наше решение. Если со стороны кажется, что жюри поступило не совсем логично, то этому есть несколько причин. Во-первых, это взгляд со стороны. Любое жюри варится в своем котле. Свердловск далеко от интернетовских шумих, общение тут у нас происходит в определенном кругу близких к фантастике людей, которые в результате начинают мыслить в одном направлении. Что происходит с жюри фестиваля? Собираются они буквально накануне голосования. У каждого своя жизнь, свои вкусы, и все решается буквально в течении полутора-двух часов. Происходит определенное обсуждение, и, возможно, под влиянием этого обсуждения определяется лауреат. Мне показалось в этом году, что лауреатство определилось именно в ходе дискуссии. Люди, принимающие участие в этой дискуссии, действительно близки к литературе, но не совсем к фантастике. Я не хочу говорить о том, что это неправильно, но одним из основных двигателей кандидатур на «Аэлиту» был человек, сам пишущий произведения в детективном жанре, второй в принципе замкнут в рамках создания своего журнала и читает в основном самотек, а все остальное только в силу необхо-

димости, есть авторы, которые других не читают вовсе... И вот когда это все складывается, может получиться достаточно неожиданный результат, который у людей со стороны вызывает раздражение. Сейчас стоит вопрос об изменении состава и географии жюри, о том, чтобы из регионального сделать жюри действительно всероссийским. Но, еще раз повторюсь, я не хочу оправдываться. Я сам пока не жалею о том, что произошло. До собрания жюри у меня было сомнение, кому вручать премию в этом году, но логика обсуждения меня полностью удовлетворила.

С другой стороны, сегодня, видя раздражение тех, кто не принял решения жюри, я все же не считаю, что «Аэлита» себя дискредитировала. Не считаю по одной простой причине: «Аэлита» – это не годовая премия и даже не аналог американского «Гранд-Мастера», хотя и вручается раз в год. Это премия не за совокупность сделанного человеком на протяжении продолжительного отрезка времени. Я не думаю, что Гуляковский вносил вклад в фантастику на протяжении долгого времени. Он сделал вклад, как мне кажется, один раз: когда написал «Сезон туманов», роман, действительно произведший, на мой взгляд, заметное движение среди тех, кто его читал и воспринял. Пусть с огромным опозданием, но награда, как говорится, нашла-таки героя. В период перед собранием жюри мне даже было страшновато: кто же после Булычева может получить эту премию, встать рядом? И, возможно, на мое решение повлияла принадлежность автора к поколению писателей шестидесятых-семидесятых. Как мне кажется, Гуляковский все-таки зубр в этом деле, один из последних оставшихся в живых.

* * *

Игорь Халымбаджэ, библиограф, редактор:

Ну что я могу сказать... Выбор жюри в этом году оказался довольно неожиданным. Это, вероятно, обусловлено составом жюри: люди, входящие в него, состоят там уже второй десяток лет и не всегда внимательно следят за путями развития современной отечественной фантастики. При обсуждении были высказаны мнения, что Гуляковский-де основоположник отечественного космического боевика, что нам пора распрощаться с советской фантастикой, так как развилась новая, российская фантастика, вручив напоследок «Аэлиту» последнему монстру советского периода, и так далее, и тому подобное. Голосование у нас было тайное, в один тур, и совершенно неожиданно для меня большинство остановились именно на Гуляковском. У меня и у зав. отделом фантастики «Уральского следопыта» Сергея Казанцева мнение было другое, но что поделаешь – голос одиночки тоньше писка. Хотя нас и было двое, мы с Сергеем Ивановичем все-таки оказались в меньшинстве. Честно говоря, после «Сезона туманов» я Гуляковского и не читал никогда. Подозреваю, что для многих членов жюри это решение чисто ностальгическое – фантастики они читают мало. «Сезон туманов» действительно был в свое время заметным явлением – может быть потому, что его некогда очень тщательно отредактировал

покойный Виталий Иванович Бугров. Позже я пытался прочитать эту вещь в авторской книге, откуда значительная часть редакторской правки Бугрова была убрана, и мне кажется, что, убрав правку автор роман в значительной степени испортил. Когда автор соглашался, Бугров мог отредактировать текст жестко – переписать финал, изменить название, вообще в значительной степени пригладить произведение под свой литературный вкус. В результате журнальный вариант «Сезона туманов» значительно отличался от книжного. В книжной версии он, конечно, многое потерял. Но в журнале он был не меньшим явлением, чем повесть Фирсова «Срубить крест».

* * *

И, наконец, для полноты картины, мы обратились к самому лауреату «Аэлиты».

* * *

Корреспондент: Было ли присуждение «Аэлиты» для вас неожиданно или давно ожидавшимся и вполне закономерным событием? Какие чувства вы испытываете по этому поводу?

Евгений Гуляковский, писатель, лауреат «Аэлита-98»:

Сложный вопрос, какие чувства я испытываю. Эмоции я испытывал, когда «Уральский следопыт» присудил мне премию за лучшую публикацию года семнадцать лет назад, это действительно было. Но с тех пор выросла слишком длинная очередь лауреатов «Аэлиты». На мой взгляд, эту премию следовало бы присуждать за лучшую книгу года, а не «за достижения». Очень трудно определить, кто внес больший вклад в фантастику, и всегда останется кто-то, кому это покажется несправедливым. А вот если просто сказать, что жюри голосует за лучшую книгу – это другое дело. Тогда бы авторы это ценили гораздо больше.

* * *

В завершение мы все же не удержимся от одного комментария. Об официальном статусе «Аэлиты». Испокон веку премия эта официально вручалась за лучшее произведение фантастики минувшего года, неофициально же – за общий вклад автора в фантастику. Именно поэтому многие лауреаты формально удостоились «Аэлиты» отнюдь не за самые лучшие свои вещи. Но вручение премии за произведение двадцатилетней давности – это исключительно оригинальная и свежая идея. С которой мы жюри «Аэлиты» и поздравляем.

Диалог

Елена Первушина

ВОЙНА ПОЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКЕ

Говорят, что мужчина и женщина – две разъятых половины некоего всемогущего и прекрасного существа. Мне же всё чаще кажется, что они – два кривых зеркала, неполно и неверно отражающие друг друга. Зеркала, в которые мы не любим заглядывать, а заглянув случайно, сердито машем рукой и бормочем что-то вроде: «Эти мужики (бабы) ничегошеньки не понимают!».

Литература же, если продолжать метафору, – Королевство Кривых Зеркал, в лабиринтах которого можно разыскать все причудливые и странные представления одного пола о другом. Занятие небезынтересное и небесполезное, по-

скольку оно позволяет взглянуть на себя чужими глазами.

Особенно занимательно чтение в этом ключе фантастики, т.к. практически все направления в ней регламентируют лишь правила построения миров, а характеры и отношения персонажей оставляют на совести автора. Автору же, в свою очередь, есть о чем подумать, кроме глубинной психологии, в результате чего вышеупомянутая психология отдаётся на откуп авторскому подсознанию. В итоге перед нами чистейший, ничем не замутненный источник сокровенных фантазий и тайных желаний. Черпай – не хочу!

Зачерпнем же!

1) ЖЕНЩИНЫ – О МУЖЧИНАХ

При чтении фантастических романов, написанных женщинами, мне удалось обнаружить два типа героев. (Вернее – главных героев. Второстепенные, как правило, исполняют характерные роли Мудрого Старца, Грязного Мерзавца и пр.)

Вариант первый: *Мужчина-Мальчик*.

Образцы: Гед из «Волшебника Земноморья» Урсулы Ле Гуин; многочисленные мальчики всех возрастов из романов Елены Хаецкой, из космического цикла Андре Нортон, Кервин и его друг-недруг Остер из «Кровавого солнца» Мэрион Циммер Брэдли; и, наконец, незабвенный Волкодав.

Характеристика: независимо от возраста Мужчины-Мальчики горды, ранимы, страдают гигантскими комплексами неполноценности, от чего порой

могут вести себя заносчиво, хамски или попросту неуклюже. Души их, несмотря на тяжкое детство, остаются не ожесточенными, они милосердны и сострадательны, только, вот беда, не в состоянии объясниться с окружающими в силу подростковой некоммуникабельности.

Эта особенность характера Мужчины-Мальчика определяет задачу главной героини: объяснить всему миру, что её избранник на самом деле добр и благороден, одновременно растолковав избраннику, что его можно понять и полюбить. Если ей это удаётся, вечная благодарность героя, спонтанно переходящая в вечную любовь, а затем в вечную память обеспечены.

Хэппи-энд омрачают лишь два соображения.

Во-первых, любовь будет преимущественно платонической (какую ещё любовь может испытывать неспорченная женщина к неспорченному 13-14-летнему мальчику?), напоминающей, скорее, отношения мать-сын, чем жена-муж (независимо от фактического возраста героев). А этого, согласитесь, мало для счастья.

И во-вторых, в обычной жизни женщины не слишком ценят таких мужчин-сыночек и предпочитают держаться от них подальше. Спрашивается, когда же они искреннее – в реальности или в фантазиях?

Вариант второй: *Благородный Разбойник*.

Образцы: Бренн из «Валькирии» Марии Семенович; Ф'лар из цикла о драконах Перна Энн Маккефри; Саймон Трегарт из «Колдовского мира» Андре Нортон и пр.

Характеристика: внешне – полная противоположность первому типу. Умный, уверенный в себе, храбрый, порой жестокий (вернее, ожесточенный жизнью) творец и воин.

Отряды и полки подобных мужчин под предводительством бесподобного Ретта Батлера маршируют по страницам дамских романов. В женской фантастике они почему-то (почему?) приживаются плохо. А если и появляются, то оказываются либо сверхзакомплексованными Мальчиками (Бренн настолько неконтактен, что главная героиня до последних страниц романа принимает его любовь за ненависть), либо существуют в основном для того, чтобы подавать реплики героине (Ф'лар, Трегарт).

Но главное, на мой взгляд, другое.

Любовь к Благородному Разбойнику, либо любовь самого Благородного Разбойника больше всего напоминает затянувшиеся военные действия и способна сделать счастливой лишь откровенную мазохистку.

2) МУЖЧИНЫ – О ЖЕНЩИНАХ

Вариант первый: *Мадонна*.

Образцы: Кира из «Трудно быть богом», Гута из «Пикника», эльфийки Толкиена, княгиня Лиза из «Гравилета» – дальнейший список поистине беспределен.

Характеристика: таких большинство. Нечто светлое (часто светловолосое) и вечно-женственное – идеальная фигура для того, чтоб занять главного героя

в перерывах между боями, залечить его раны, обеспечить какой-никакой личной жизнью и позаботиться о продолжении рода.

Кажется, что подобных женщин писатели (и персонажи) побаиваются, обожают их преданно и трепетно, но издали, в идеале – в воспоминаниях.

Иногда Мадонна появляется для того, чтоб трагически погибнуть (Кира) или вдоволь помучиться (Гута), что способствует внутреннему перерождению героя и движению сюжета. Иногда просто украшает периферию повествования. Но...

Любое чувство на градус ниже и земнее безусловного и трепетного обожания будет по отношению к Мадонне неуместным и неприличным. А детей Мадонны, как известно, зачинают непорочно.

Вариант второй: *Красивая Стерва*.

Образцы: Сельма из «Града обреченного», Диана из «Гадких лебедей», Арабелла из «Мира в латах» Николая Романецкого, Юньэр из «Пути меча» Г.Л. Олди. Список также можно продолжать, но он выйдет значительно короче предыдущего. (Снова не очень ясно, почему.)

Характеристика: сексапильна и бессердечна. Чаще всего создает колоритный фон, или оттеняет героиню Мадонну (Кира и Окана, Лина и Арабелла), или Амазонку (Чин и Юньэр). Диана – редчайший образец Красивой стервы, прорвавшейся в главные героини. Впрочем, при близком знакомстве выясняется, что она не стерва вообще. Тот же подвиг попытался повторить в своем сиквеле «Вторая попытка» Ант Скаландис. Возможно, более лояльное отношение к Красивым Стервам – заслуга перестройки и сексуальной революции. И все же...

Не любят фантасты сексапильных женщин, не любят... Во всех смертных грехах обвиняют. А за что, спрашивается?

3) ЖЕНЩИНЫ – О ЖЕНЩИНАХ

Прежде всего хочу попросить прощения за краткость и вторичность данной главы. Просто я решила все свежие и оригинальные мысли приберечь для финала.

Итак, Мадонн писательницы, по-видимому, тайно презирают и выпускают на страницы лишь в качестве светлой фигуры на заднем плане (Дианора в «Мече и Радуге»), или, чтобы оттенить героиню-Амазонку (Иль и Сана в «Леопарде» Ольги Ларионовой; Варвара и Консуэло в её же «Сонате моря»; Валькирия и Велета в «Валькирии»). На словах, впрочем, женщины, как и мужчины, к Мадоннам предельно почтительны.

Красивых же Стерв писательницы презирают откровенно, и можно ручаться, что если женщина проявляет хоть малейшие признаки сексуальности и сексапильности, она непременно окажется Главной Негодяйкой. (Килара в «Странствиях дракона» Энн Маккефри; Серрет в «Волшебнике Земноморья», Зиерн в «Драконьей гибели» Барбары Хэмфри; Ариенрод в «Снежной Королеве» Джоан Виндж и пр.)

Складывается впечатление, что Бессердечное Сексуальное Чудовище, По-

жирающее Мужчин, вызывает гораздо большую агрессию у женщин, нежели у самих пожираемых.

Однако наш обзор будет удручающе неполным, если мы не остановимся подробно на еще одном архетипе, в равной степени любимом как авторами, так и авторрессами. Прошу любить и жаловать –

4) АМАЗОНКА

Для начала небольшое околонучное отступление. Уже за четыре тысячи лет до нашей эры древние шумеры, а затем вавилоняне и египтяне знали о двух обличьях Богини. Они чтили Любовницу-мать, хранительницу жизни, и неприступную богиню-воительницу – девственницу, несущую смерть. Потом греки и римляне разделили единую Богиню на множество маленьких богинь и стали поклоняться по отдельности Афродите, Гестии и Гере, Афине, Артемиде и Гекате; воспевать гетер, добродетельных матрон и амазонок (до предела все упрощаю и путаю, а потому многократно прошу у всех поклонников музыки Клио прощения, прощения, прощения). Потом полюса морали поменяли знак, богиня любви превратилась в злобного демона и Вавилонскую блудницу, а непорочная Дева стала по совместительству Матерью. Потом пришел двадцатый век, стало ясно, что «чтобы быть в наше время женственной, надо быть мужественной», и Дева-Мать вернула себе прежние атрибуты Воительницы. Получился несколько неудобный в общении, но весьма жизнеспособный гибрид. Такая женщина и коня на скаку остановит, и врагов в капусту порубает, и суп в походных условиях сварит, и ребенка вырастит сама, ни копейки алиментов не получив, и любить будет верно и преданно всю жизнь своего Единственного. Одна лишь роль ей недоступна – роль Любовницы (не Жены, не Матери, не вечной Возлюбленной, а именно...) Её любовь и верность – любовь и верность побратима, а не женщины. Ну как, господа мужчины, устраивает такой вариант?

Многих устраивает. Тем более, что вариантов на самом деле много. И чтоб в них не запутаться, предлагаю ввести простенькую классификацию Героинь-Амазонок: по возрасту.

а) Девочки.

Образцы: Илль из «Леопарда», Тенар из второй книги «Земноморья», Ниилит, Оленюшка и кнесинка из «Волкодава», Цири из «Ведьмака» Анджея Сапковского.

По современным среднеевропейским стандартам они созрели для любви, но ещё слишком молоды для секса. А потому являются идеальными возлюбленными для Мужчин-Мальчиков (сколько бы лет им ни было на самом деле). К взрослым женщинам такие мужчины предпочитают не приближаться, опасаясь конфуза. А так можно восхититься мальчишескими повадками девочки (свой парень!), её храбрым сердечком и невинной душой, чмокнуть её в макушку и пообещать: «Ты только подрасти, и будешь моей вечной любовью!».

Возможно, подросток придется до скончания века возиться со своим «вечным мальчишкой», залечивая его душевные и телесные раны (Тенар в четвертой книге «Земноморья»). Или же она превратится в Валькирию.

б) *Валькирии.*

Образцы: Зима Желановна из «Валькирии», Варвара Норег из «Сонаты моря», Бадиаль-Джемаль из «Каменного Талисмана» Далии Трускиновской, Белая Ведьма из «Восставшей из пепла» Танит Ли и другие многочисленные воительницы.

Девушки 18-20 лет, верящие в Великую Любовь и Настоящего Мужчину, а потому презирающие всех имеющих в наличии мужчин за слабость в коленках и грязные помыслы. Или, как Белая Ведьма, считающие себя уродливыми и проклятыми, способными принести любимому лишь несчастье.

Такая героиня зачастую влюбляется лишь в израненного (опять же телесно и/или душевно), избитого жизнью и врагами до полной потери сопротивления и интереса к противоположному полу мужчину. Причём по молодости и пылкости на протяжении романа она может полюбить пятерых-шестерых таких вот избитых, обездоленных и бездвиженных. Стоит, однако, мужчине немного оклематься и перейти к активным действиям, как Валькирия тут же понимает, что это не её суженый (её суженый рук без разрешения распускать не будет), и сердито отмахивается топориком: «Уйди, противный!».

Впрочем, если её возлюбленный – Благородный Разбойник, она, как мы уже выяснили, может бесконечно сражаться с ним за свою девичью честь.

в) *Интеллектуалки.*

Образцы: Элен из «Контакта» Карла Сагана, Джейн из «Дочери железного дракона» Майкла Суэнвика, волшебницы из «Колдовского мира», Джени Уэйнест, Ведьма Мерзлого Водопада из «Драконьей гибели», Мун из «Снежной Королевы», многочисленные героини «Туманности Андромеды» и «Часа быка», Инга из «Дерни за веревочку» Вячеслава Рыбакова и проч.

Возраст – приблизительно от 20 до 40. В отличие от Валькирий не боятся мужчин и получают удовольствие от секса, так же как от хорошей еды, вина или физических упражнений. Иногда даже влюбляются, если с мужчиной интересно поговорить (Инга). Иногда роль жены и матери для них тяжела и постыдна (Джени). И всегда центр их жизни – не мужчина, не любовь, а Призвание, будь то Наука, Политика или Магия.

И наконец...

г) *Железные Леди.*

Образцы: Мейна Гладсон в «Гиперионе» Дэна Симмонса, Госпожа Президент в «Контакте» и т. д.

Вариант, аналогичный первому. Страстную любовь к таким женщинам в силу их возраста (около 60-70 лет) и постоянной занятости питать неприлично и неудобно. Остаются лишь уважение и восхищение.

По логике вещей следовало бы сказать несколько слов о том, как мужчины

изображают мужчин. Но мне в голову приходит лишь одно слово: по-всякому. Когда нет необходимости описывать пейзажи и лирические сцены, мужская фантазия раскрепощается, и её не вместить ни в какие классификации. Кроме того, я не хочу слишком далеко забредать в мужской мир. Боюсь заблудиться и наделать ошибок. А потому перехожу к выводам.

Они неутешительны. Персонажи фантастики научились путешествовать по параллельным пространствам и альтернативным временам, погружаться в киберпейс и Огранду без ущерба для собственной личности. Но (за редчайшим исключением) так и не научились любить и быть любимыми.

Впрочем, может быть, это означает лишь, что «лучшее, конечно, впереди.»

Наталья Мазова

**БРОНЗОВЫЙ ДРАКОН И СЕРЕБРЯНАЯ РЫСЬ,
или
Соционика на марше**

Еще не дочитав статью Елены Первушиной, я сразу же начала громко с нею не соглашаться. Ибо, на мой взгляд, приведенная в ней классификация хоть и остроумна, но весьма неполна, а примеры местами просто приведены неверно. Так что моя статья не является очередным ответом очередному Чемберлену, а всего лишь призвана уточнить и дополнить данную классификацию.

Те, кто считают соционику лженаукой, дальше могут не читать. Те же, кто относится к ней более снисходительно, возможно, знают, что именно в отношениях мужчин и женщин между собой она выделяет четыре стереотипных модели контакта: «Ребенок», «Жертва», «Родитель» и «Агрессор». А поскольку притягиваются друг к другу обычно разные полюса, то идеальным партнером для «Ребенка» бывает «Родитель», а для «Жертвы» – «Агрессор». Уже это несколько не стыкуется с мнением Елены, о том, что «девочка-амазонка» – идеальная возлюбленная для «мужчины-мальчика»...

Но – обо всем по порядку. Поскольку литература, в том числе и фантастика, есть всего лишь отражение жизни (а в данной области особенно, поскольку психологию придумать невозможно), то в ней можно встретить ВСЕ эти модели межполового контакта, причем как в мужской, так и в женской ипостасях.

Попытаюсь проанализировать их.

1. *Мужчина-Ребенок*. Определяющий аспект характера – интуиция скрытых возможностей.

В принципе, основные черты этого типа Елена уловила, описывая «мальчиков». Причем важный компонент – несмотря на все происходящее с ним, такой герой как-то умудряется сохранить чистую душу, веру в идеалы, способность удивляться, готовность менять мир к лучшему, немереный энтузиазм и все такое прочее. Главный его недостаток – мужчина-Ребенок в прин-

ципе не живет в быту, поэтому просто необходим кто-то, кто будет время от времени вытирать ему нос. Его девиз в отношениях с женщиной – «люби меня, я хочу быть кому-то нужным». Тип, прекрасно вписывающийся в самую сущность фантастики, поэтому от приведения примеров воздержусь – имя им легион. А то, что женщины якобы не слишком-то ценят мужчин-Детей – глубокое заблуждение, ибо таким мужчиной очень удобно гордиться.

Что до примеров, то мне непонятно лишь, где это у Хаецкой «мальчики всех возрастов»? Ну Хелот с Греттиром, ну еще Синяка, а дальше? Неужели те два хмыря, хлещущие «Балтику» на обложке «Вавилонских хроников»?

2. *Мужчина-Жертва*. Определяющий аспект характера – чувство времени и динамики ситуации.

В основном тот же ребенок, но испорченный. Главное отличие – Ребенок свои страдания быстро забывает, Жертва же воспринимает их как заслугу и на основании этого ждет (хотя бы подсознательно) каких-то привилегий для себя. Не то чтобы всегда увечен, калечен и вообще обижен злыми людьми – просто акцентируется на этом больше других. Девиз – «мне недодали». Есть, конечно, немало женщин, находящихся смысл жизни в том, чтобы сострадать подобным персонажам, но, как известно, «сострадание разносит заразу страдания» (Лазарчук & Успенский). Своим поведением мужчина-Жертва создает максимум проблем себе и ближним своим, так что у Ребенка при встрече с ним возникает желание прирезать, чтоб не мучился, а у Родителя – дать в морду, чтоб не маялся дурью. Впрочем, такое поведение Жертвы рассчитано вовсе не на них, а на Агрессора...

На мой взгляд, классический Волкодав относится именно к категории Жертв. Сюда же без разбора можно поместить всех героев «Черной книги Арды». Далее продолжайте список сами, ибо я не Агрессор и не Жертва, и книги с подобными героями, в последнее время вошедшие в моду, меня только раздражают.

3. *Мужчина-Родитель* – очень важная категория, которую полностью упустила Елена. Данный тип не очень распространен, но исключительно потому, что именно он и является идеалом половины (и, по-моему, лучшей половины) героинь фантастики – а идеалы, как известно, на дороге не валяются... Определяющий аспект характера – эстетика, умение создавать гармонию.

Отцы, как и дети, бывают разных возрастов. Единственное условие – он должен быть старше героини, хотя бы на пару лет. Основное свойство Мужчины-Родителя – развитое чувство ответственности в сочетании с определенной житейской мудростью и умением (а не просто желанием) окружить другого

заботой. В идеале это мудрый и хозяйственный лорд, бережно относящийся ко всему в своих владениях. Женщине рядом с таким спокойно и тепло, но иногда тесно – он считает своим долгом словно надстроить над ней некий защитный кокон, оберегая от любых неприятностей. Время от времени проявляет свойства Верного Спутника по Свиридову, вытаскивая героиню из таких задниц, откуда ее бессилён вытащить даже автор. В выражении же чувств Родитель обычно несколько увереннее героини, чем избавляет и ее от ряда проблем. Главный недостаток этого типа – иногда он может показаться положительным до отращения. Впрочем, сам он, похоже, осознает этот свой недостаток, а потому время от времени маятся какой-нибудь не слишком опасной дурью.

Примеры: у Танин Ли – Серебряный в одноимённом романе, а также Фенсер и Кир Гурц из «Героини мира»; у Ольги Ларионовой – Джаджа из «Леопарда...» и Вуковуд из «Лабиринта для троглодитов»; у Нортон – Херрел из «Года единорога» и, может быть, Керован из «Кристалла с грифоном». Пожалуй, и Ф'лар из Пернского сериала Энн Маккеффри относится именно к этой категории.

4. *Мужчина-Агрессор* (он же «Благородный Разбойник»). Определяющий аспект характера – силовой.

Вообще-то благородство его весьма относительное, ибо он переустраивает мир своей волей, порой делая это достаточно жестко. Стремление овладеть всем и вся регулярно заносит его в категорию злодеев (самый яркий и наглядный пример – Вазкор Черный Волк из «Белой ведьмы» Танин Ли). В положительной же ипостаси обычно оказывается в роли полководца, организатора, правителя, которого не любят, но уважают. Безошибочно узнаваем по оттенку пренебрежительности в отношении с женщиной – «знай свое место, баба», в менее примитивной версии – постоянное недоверие к ее верности/честности/способностям. Образцом Агрессора может служить главный герой (имени, увы, не помню) романа Мэрион Брэдли «Двое в завоевании». А вообще тип Агрессора куда более характерен для текстов, написанных мужчинами – практически все героини-супермены принадлежат именно к нему, причем не к самой умной его разновидности...

Что же до помянутого Еленой «Благородного Разбойника», то приходится признать его существом мифическим и обитающим лишь на страницах дамских романов. Фантастику же обычно пишут люди с Большим интеллектуальным потенциалом, чем авторессы дамского чтива, поэтому любой персонаж, похожий на «благородного разбойника», на поверку оказывается либо Родителем (Ф'лар), либо Агрессором (Зулас Ретка из «Героини Мира», а может быть, и Саймон Трегарт), либо, наконец, Ребенком, в силу дурного воспитания чресчур циничным и подчеркивающим свое мужество (Дарак Златолов и Вазкор сын Вазкора из «Белой ведьмы»).

Итак, сильную половину человечества мы, кажется, разложили-таки по полочкам. Теперь можно переходить и к нам, женщинам. Но прежде следует разобраться с понятием «амазонка».

Если честно, в амазонок я верю так же слабо, как в благородных разбой-

ников. В моем представлении это что-то суровое, затянутое в кожи и шкуры, вооруженное нехилым мечом и презирующее мужчин как вид. В лучшем случае использующее их только как предмет для совокупления. Воля ваша, но для меня это лежит за пределами нормы. И слава богам, что в чистом виде этот типаж в фантастике не так уж популярен. Мне с ходу припомнилась всего одна подобная героиня – Моргейн из «Врат Иврел» Кэролайн Черри. Читая эту книгу, я вообще не понимала, в чем великий смысл выводить в данной роли именно женщину – если бы это был мужчина, не пришлось бы переписывать ни одного самого крошечного эпизода. Разве что заменить «леди» на «лорда»...

К большинству же героинь, включенных в эту категорию Еленой, ужасно хочется обратиться с вопросом из песенки Свиридова: «Ах, милая Амазонка, ну где же твой Амазон?» (Типаж «железных леди» отбросим, ибо возраст, как ни крути, стирает половые различия...) Для Елены, правда, основополагающим критерием служит... не знаю уж, как назвать. Сила характера? Независимость? Или просто – умение обходиться в этой жизни без мужчин? Но даже в этом случае абсолютно неправомерно включение в данную категорию Карраказ из «Белой ведьмы». Пусть она хорошая наездница и непревзойденный стрелок из лука, но о какой ее независимости может идти речь, если на всем протяжении романа она старательно избегает сама принимать решения?! Жизнь тащит ее, как гальку по дну горного потока, то и дело о что-нибудь ударяя, и сама она – воск в ладонях обстоятельств, позволяющий лепить из себя и лучника на колеснице, и богиню, и рабыню... Плюс отношение к мужчинам по принципу «люби не то, что хочется любить, а то, что можешь, то, чем обладаешь» – какая же это амазонка? Карраказ слаба, но как у любой настоящей женщины, именно в этой слабости и кроется ее сила.

Зато я знаю роман, где почти все героини полностью укладываются в данное Еленой определение амазонок – это «Люс-а-Гард» Далии Трускиновской. Вроде бы даже за мужчинами его героини гоняются лишь ради спасения генофонда... Однако на самом деле здесь сокрыта весьма остроумная и ехидная пародия на весь типаж амазонки. Помните, чем все эти дамы кончали после знакомства с юным поэтом Эдуардом – даже те, в чью задачу отлов менестрелей вроде бы не входил?

Поэтому уместнее будет обозначить весь спектр подобных героинь как женщин в мужской функции. Тогда сюда уложится и Карраказ. Другое дело, что загнать в эту функцию женщину может воспитание, общественное устройство, особенности характера или просто развитый интеллект.

Итак, займемся женщинами (приведенные в мужских вариантах определяющие аспекты характера относятся и к ним):

1. *Женщина-Ребенок*. Пожалуй, самый популярный в фантастике тип, причем очень четко выделяются два подтипа:

1а. *Классическая женщина-Ребенок*.

Выглядит слабой и вызывает желание немедленно защитить ее от всего сразу, но на поверку оказывается невероятно живучей. Красива и женственна,

но при этом не тратит особых усилий на заботу о своей внешности. Очень доверчива, не скрывает своих чувств, мало того, с их помощью переустраивает мир к лучшему. Является идеальной возлюбленной, поскольку любовью живет и дышит. Влюбляется отчаянно, всепоглощающе, с легким оттенком одержимости, но старается не выносить это на публику. После нахождения себе «мужчины-на-роль-отца» становится украшением его бытия и переустраивает мир только через него. В общем, основной героиней обычно не бывает, довлея ролью предмета любви главного героя...

Примеры: Кира из «Трудно быть богом», Рада из «Обитаемого острова», Ниилит из «Волкодава», Велета из «Валькирии»... ну, вы поняли.

1б. *Женщина в мужской функции*: страшнее кошки зверя нет!

В отличие от первого подтипа, это как раз героиня – именно в силу того, что действия в фантастике важнее переживаний, а это создание, даже переживая, не забывает действовать. Тоже иногда выглядит слабой, но уж-жасно этого не любит, пытается продемонстрировать свою живучесть, однако предложенную защиту обычно принимает с благодарностью. В мужской функции оказывается оттого, что интеллект развит значительно сильнее сферы чувств. В силу этого знает «все, но только не себя», а также обязательно находит способ занять свои мозги каким-либо делом. В обществе, где ее интеллект востребован, развивается более-менее гармонично, в обществе же, где подобные проявления воспринимаются как «неженственные», легко может превратиться в бунтарку и экстремистку. Нутром чувствует, что ей надо на самом деле, именно поэтому из всего массива окружающих мужчин выбирает только лучших из лучших. И если уж кого-то выбрала, то в лепешку расшибется, помогая ему – опять же из-за неумения проявить чувства другим образом. На свою внешность плоет до тех пор, пока в кого-нибудь не втрескается, но уж тогда – откуда что берется! Влюбляется еще более одержимо, чем первый подтип, в случае неудачи гасит отрицательную энергию в деле либо становится потрясающе деструктивной в силу неумения справиться с собой. В отличие от других типов женщин в мужской функции, время от времени плачет где-нибудь в кустах. Девиз (почти по Крапивину): «Ну почему в этой долбаной жизни приходится быть и Золушкой и принцем одновременно?!»

Я столь подробно остановилась именно на этом подтипе только потому, что он тоже прямо-таки создан для фантастики – большая часть главных героинь-женщин принадлежит именно к нему. Примеры можно приводить бесконечно: это и весь типаж «девушек Нортон», и Ромили Макаран из «Госпожи ястреба» Мэрион Брэдли, и арфистка Менолли у Энн Маккеффри, и все та же Варвара Норгеа у Ларионовой. Особый ряд – все героини Танит Ли: Джайн, Карраказ, Арадия, которые принадлежность к этому подтипу умудряются сочетать с неистребимой женственностью.

Так называемые «валькирии» среди женщин-Детей встречаются не слишком часто, ибо мужской слабости они не уважают: какое-то время повозятся, а потом просто надоеет гробить молодые силы. Что же до асексуальности, то за нее обычно принимают большую разборчивость, как у Джайн из

«Серебряного» или Таиры из «Делла-уэллы». Впрочем, возраст «валькирий» – 18-20 – указан у Елены очень точно: годам к двадцати четырем (возраст Эовин, а также автора данной статьи) все они, набегавшись за разнообразными Арагорнами, в конце концов находят себе своего Фарамира и на сем успокаиваются.

Общие черты обоих подтипов женщин-Детей: некоторая неуверенность в себе, незащищенность от мирской суеты. Они никогда не ищут независимости и не радуются, имея ее – нет, все они ищут себе мужчину-Родителя, в которого можно уткнуться головой и который обязательно убедит их в том, что они хорошие. На худой же конец удовлетворяются мужчиной-Ребенком, равным, с которым «спина к спине в бою и лицо к лицу в постели».

Женщина-Ребенок бывает прекрасной любовницей, но жена (точнее, хозяйка) из нее никакая. Жить в быту предоставляется партнеру...

2. Женщина-Жертва.

Все, сказанное о мужчинах-Жертвах, справедливо и для женщин: больше всего на свете они дорожат своими страданиями. Влюбляются не столько отчаянно, сколько громко и истерично, усложняя этим бытие всем окружающим, но избраннику – в особенности. При этом зачастую за любовь принимается обычное чувство собственности. Отношение к сексу сложное – от полной фригидности до когда и с кем угодно, с постоянной готовностью выдать результат за насилие.

Вообще-то женщина-Жертва – типичный персонаж дамских романов, до недавнего времени встречавшийся в фантастике лишь на вторых-третьих ролях, вроде Демиздор в «Белой ведьме» или леди Инглиды в «Кристалле с грифоном» Нортон. К тому же принадлежность к этому типу всегда считалась свидетельством, скажем так, невысокого морального облика. (Может быть, потому и мужчин-Агрессоров в фантастике так немного, а имеющиеся никак не связаны с женщинами, что никому, кроме женщины-Жертвы, нафиг не нужно такое счастье?) Однако появление «Черной книги Арды» с полным набором инкарнаций вечно страдающей героини, боюсь, знаменует некую тенденцию. Роман «Авантюрист» М. и С. Дяченко пока еще не издан, а там есть такая Аланна...

Если же женщина-Жертва оказывается в мужской функции, то это либо истеричная проповедница, кликуша с площади, либо вариант той же Ниенны – ее Ириалонна, не желающая быть целительницей, но только обязательно воин, «одной сестрой среди братьев»!!!

3. Женщина-Родитель.

Именно к этому типу относится большинство тех, кого Елена назвала «мадоннами». Женщина-мать осуществляет защиту и покровительство над своими детьми, она уверена в себе, в ней достаточно сил, и заботиться – ее насущная потребность. Именно этим она отличается от классической женщины-Ребенка, которая тоже попала в категорию «мадонн». Хотя по возрасту женщина-Родитель вполне может оказаться моложе героя. Другая ее отлич-

тельная особенность – постоянная восхищенная гордость за своего избранника, заботу она обменивает именно на возможность восхищаться. Это та самая идеальная жена, которая дожидается разгильдяя-мужа из любого странствия, а дождавшись, встретит горячим обедом и ласковым словом. Лчбо, если он ученый, будет решать за него все бытовые проблемы, пока он меняет мир к лучшему в своей лаборатории. В силу некоторой мальчишеской закомплексованности героя темперамент в такой героине не только допустим, но даже поощряется, хотя ее сексапильность не должна слишком бросаться в глаза.

Спрос на женщин-Родителей в фантастике очень велик – всем мужчинам-Детям хочется заботы! – и увы, превышает предложение. Самые яркие примеры можно найти в романах Вячеслава Рыбакова: Ася из «Очага на башне», Кира из «Человека напротив», княгиня Лиза из «Гравилета». Что характерно, главными героинями они бывают только у мужчин. Авторы-женщины выпускают женщину-Родителя только фигурой второго плана, вроде Эльфреды в «Эльфийском камне снов» Кэролайн Черри или Консуэло в «Сонате моря».

Представить женщину-Родителя в мужской функции мне трудно. Наиболее полным ее воплощением являются, пожалуй, героини Далии Трускиновской – как в уже упомянутой «Люс-а-Гард», так и в некоторых других вещах. Причем в партнеры себе они обычно выбирают особую разновидность мужчин-Детей, скромно именуемую «юное дарование» (а в устной беседе определенную Трускиновской как «чемодан без ручки»). Но вообще-то вариант «я и баба, и мужик...» (он же «мать-одиночка») в фантастике обычно не проходит, поскольку упор в нем делается все же не на защиту и заботу.

Во всех остальных вариантах женщина-Родитель, чтобы исполнять мужскую функцию, должна на время забыть о своей женской сущности. Пример, который ложится сюда идеально – Арафель из «Эльфийского камня сна». Возникает ощущение, что Кэролайн Черри вообще превратно понимает суть отличия мужчины от женщины – все ее главные героини без труда заменяются героями. За ними даже ухаживать-то не пытаются, не говоря уж о постели... И еще одна – Ванда Каховски из «Императоров иллюзий» Сергея Лукьяненко. Она ведь тоже в своем роде охранительница.

Более мягким вариантом этого подтипа, наверное, являются разнообразные настоятельницы монастырей, главы колдовских братств и разные прочие Бене Джессерит, но тут я уже не совсем уверена...

4. Женщина-Агрессор.

Здесь тоже очень четко выделяются два подтипа:

4а. *Классическая женщина-Агрессор* (она же Красивая Стерва).

Сексапильна – и в отличие от женщины-Родителя, сексапильна вызывающе. Охотница на мужчин, активно использующая свое тело как инструмент достижения целей. Но вообще секс для нее удовольствие, коим глупо пренебрегать. Умелая интриганка, обычно неплохо понимает людей и не прочь ими поманипулировать. Идеальный партнер для нее – мужчина-Жертва, а поскольку уважение к такому испытывать трудно, презрение это переносится на мужчин вообще (за исключением, разве что некоторых Детей). С женщиной-Ребенком же, особенно в мужской функции, всегда непримиримо конфликтна. (См., например, сцену драки Лой и Тэль в «Не время для драконов» Перумова и Лукьяненко. Картина весьма типичная, хотя Тэль и не совсем женщина-Ребенок...)

В целом трудно сказать что-то еще об этом подтипе. Женщины избегают его (либо ставят на роль отрицательной героини) по вполне понятным причинам: неразборчивость, как в партнерах, так и в средствах для достижения цели, не служит ни к чьей чести. Вообще такое же восприятие данного типа характерно для всего отечественного менталитета, поэтому в нашей фантастике классические женщины-Агрессоры встречаются еще реже, чем в западной. Если автор и приближает ее к герою, то лишь для того, чтобы максимально усложнить тому жизнь, сделав его игрушкой в цепких коготках. Словом, гораздо перспективнее другой подтип –

4б. *Женщина в мужской функции: стерва деловая.*

Тожe может быть главной героиней (особенно у западных авторов), хотя я опять не могу припомнить примера. Мужскую функцию приобретает в силу жестко волевого характера, сочетающегося с немалым умом. В отличие от классической женщины-Агрессора, не разменивается на мелочи и развлечения, а имеет в жизни глобальную цель, делает карьеру и быстро продвигается по служебной лестнице. Если для Красивой Стервы мужчины – добыча, и им можно придавать значение хотя бы как ценному трофею, то стерву деловую мужчины не интересуют вообще. Они – либо соперники, либо деловые партнеры, а в постели – всего лишь живые вибраторы, если вообще нужны. Они не заслуживают даже презрения. Девиз – «я могу все то же, что и эти козлы!» Мужчины, естественно, платят ей полной взаимностью. В общем, деловая стерва есть законченное и совершенное воплощение мерзости феминизма.

Характерно, что этот подтип часто возникает в антураже космических империй. Что-то подобное я припоминаю у Азимова в цикле про Стерву, а из отечественной фантастики всплывают в памяти Изабелла Каль и Маржан Мохаммади из «Императоров иллюзий». Более архаичный вариант – фэнтэзийная королева вроде Нарасен из «Владыки Смерти» Танит Ли.

Итак, выводы – довольно неожиданные.

Во-первых, лидерами по попаданию в главные герои стали две модели реагирования – Ребенок и Агрессор. Первая используется, если автору инте-

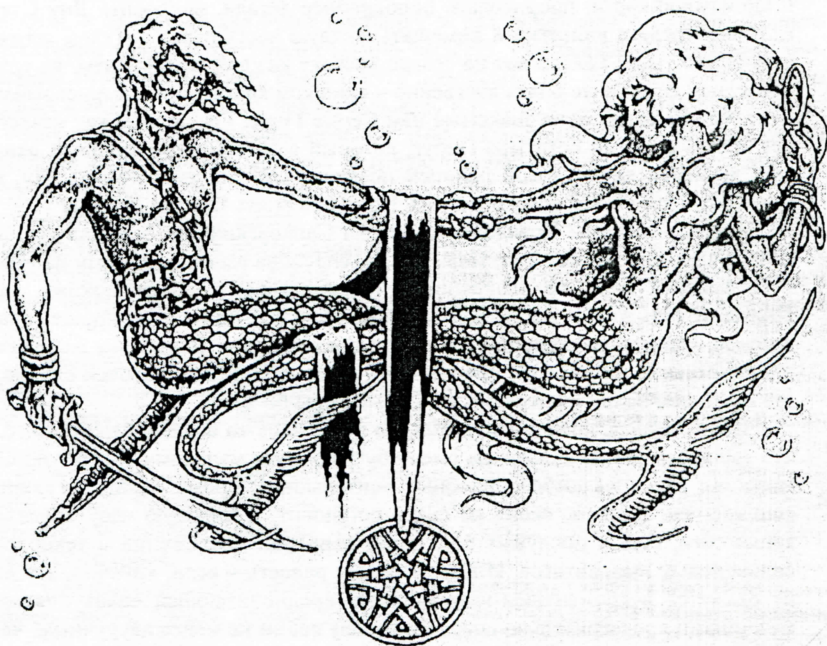
реснее исследовать мир, вторая – если интереснее мир завоевывать, либо если автор не настаивает на неперменной положительности героя. Поэтому авторы-женщины делают героем Ребенка чаще, чем мужчины (а «у нас», пожалуй, чаще, чем «у них»). Дополнительные же модели – Родитель и Жертва – больше используются на вторых ролях: надо же Ребенку на кого-то полагаться, а Агрессору – кого-то спасать...

Во-вторых, женщине в женской функции (то есть ставящей отношения между людьми превыше Дела, а свой маленький дом – превыше огромного мира) крайне трудно выбиться в главные героини. Оно и понятно – фантастика ведь не любовный роман, а в основной массе своей – даже и не психологический. Может быть, имеет смысл пересмотреть, какие функции являются мужскими, а какие нет?

И в третьих, трудно не согласиться с выводом Елены, что любить и быть любимыми герои фантастики так и не научились. С одной маленькой поправкой – *как и мы в нашей реальной жизни*. Всю жизнь мы ищем свою вторую половинку, но зачастую даже не знаем, где конкретно следует искать.

Ведь «Господу было угодно сотворить людей асимметричными»...

16.04.98

Реплика

Владислав Гончаров

АНЖЕЛИКА В СЕРЫХ ГОРАХ, или Есть ли женщины в русских селеньях?

Золота в Серых Горах, как известно, нет. Зато там наличествует масса других достопримечательностей, кои подробно и с немалым вкусом описал нам наш польский товарищ и коллега пан Сапковский в своей замечательной по охвату материала статье о происхождении Пиругов.

Но делать-то что? Как, наконец, выбраться из этих треклятых Серых Гор и увидеть те земли, которых нет на карте – карте-путеводителю к очередной многотомной саге. «Что за проблема? – скажете вы – Надо только перейти через горы, спуститься в долину, открыть новые земли и наносить их на карту в свое удовольствие!»

Было. Пробовали. Плавали. Знаем. И карта получается – загляденье. Особенно если ее еще поделить частей на шесть (или на десять), увеличить масштаб каждой части, прорисовать поподробнее детали, попросить Яну Станиславовну сделать виньетки и помещать каждую часть перед титулом соответствующего тома. Только вот на северо-востоке каждой такой карты, на самом последнем фрагменте опять явственно – слишком явственно! – вырисовываются те же самые, до боли знакомые нам Серые Горы. Где золота, как известно, нет, а есть славный богатырь Пируг, который с богатырской силищей охаживает любимой двухпудовой палицей посланца сил зла сэра Конана. Ну, или наоборот – это уж как кому нравится. Но мы-то опять заехали не туда!

А куда – «туда»? Правда, мудрый пан Сапковский мельком дал указание на еще одну дорогу, которая, может быть, способна вывести фэнтези из тупика – по крайней мере, на Заокраинном (Загнивающим) Западе, похоже, так вывела. И путь этот – так называемая «женская фэнтези». Или, проще говоря, фэнтези, написанная женщиной и с позиции женщины. Поскольку же позиция эта от мужской типически-пируговой отличается иногда достаточно сильно, то тут мы имеем некий шанс объехать Серые Горы по краю.

Шанс, правда, хоть и ненулевой, но и не очень-то великий. Вспомните, во что вылилось это на Западе: на смену бугрящемуся мышцами Конану пришли таких же размеров амбалоподобные воительницы, кроме мышц бугрящиеся еще кое-чем. Словом, «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», а кроме того, еще и послужит наглядной рекламой достижений в технологии силиконовых имплантатов. И Конану будет радость – если, конечно, эта дама не окажется некромантшей-некрофилкой, предпочитающей совокупляться с мужчинами предварительно снеся им голову своим не менее двуручным, чем у Великого Воителя, мечом. Тогда сейчас здесь начнется крутая разборка и не

будет уже никакой эротики, а пойдет сплошной анатомический театр. Словом, нам пора делать отсюда ноги. Тем более, что искали мы вовсе не это.

А что же мы искали? Выход из окаменевшего канона, из зловещего магического Лабиринта, круг за кругом выводящего нас обратно к Серым Горам, где золота, как известно, нет? Да и не нужно нам это дурацкое золото! Но мы же знаем, что последняя надежда для заблудившихся в Лабиринте – нить, данная женской рукой.

Во всяком случае, Урсула Ле Гуин этот лабиринт прошла. Не скатившись ни в воинствующий феминизм, ни в анатомически-стерильную бесполость. Прошли его и Танит Ли, и Барбара Хэмбли (по крайней мере, местами). Да и кое-кому еще удалось хотя бы увидеть свет в конце тоннеля. Видимо, чтобы выйти за пределы традиционной схемы, все же нужно изменить ракурс взгляда, и посмотреть на мир не со стороны мужчины-воина-победителя. У которого, как стервятник над полем битвы, вечно маячат где-то на северо-востоке угрюмые пики наших Серых Гор.

Но что же, в самом деле, творится в наших весях, облагородил ли их столь долгожданный приход женщины в фэнтези? А то ведь, по чести сказать, ситуация на российских просторах ничуть не лучше, чем в землях пана Сапковского. И там, и здесь авторы с критиками живут в трогательном единстве: критики объясняют писателям, что фэнтези не может быть литературой, писатели согласно кивают и делают все от них зависящее, чтобы подтвердить правоту критиков. И все довольны, и все исправно получают свои гонорары.

Естественно, российская фэнтези существует не столь долго, как англоязычная, и даже польская будет постарше ее раза в полтора, а то и два. Однако некоторые имена и тенденции можно вывести уже сейчас. Собственно, тенденция будет одна. Имен, правда, чуть побольше – но не столько, сколько вы могли ожидать. Не стоит, право, забывать и о том, что не всякая проза, написанная женщиной, окажется женской. Вон, даже пан Сапковский, перечисляя столпов англоязычной женской фэнтези, никаким боком не отнес к ним тетушку Нортон – она у него так и осталась в не особо почетном списке «просто» основателей жанра. Главное – не просто быть женщиной, главное – поставить женщину в центр внимания, дать ее психологию, ее стремления, ее взгляд на происходящее. А еще – взглянуть на окружающий мир ее глазами и через призму ее восприятия. Мужчина вряд ли так сможет... хотя попытки были.

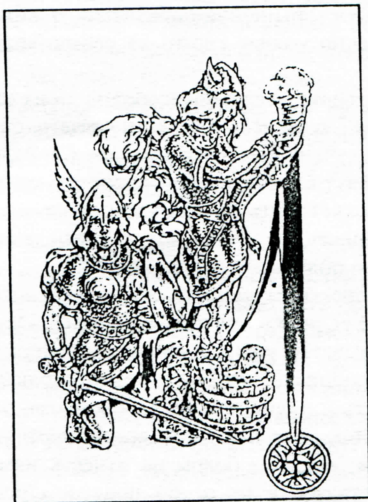
Итак, кто там у нас возникает в первых рядах? Правильно, Мария Васильевна Семенова с незабвенным «Волкодавом». Так-так-так, стойте, но мы же не об этом договаривались! Мы же женский образ искали, а здесь его и в помине нет!

Опять правильно, нету здесь женщины. Точнее, есть, но какая-то бесплотная, сродни полупрозрачному изобретателю. А присутствует лишь женский взгляд, или, скорее – женская мечта, о том, каким должен быть фэнтезийно-сказочный герой.

Словом, опять перед нами идеальный (в женских глазах) образ Пируга. Он силен, могуч, воноч, обучен разным воинским искусствам, одинок, верен и

несчастен. А также увечен, почти смертельно болен, прошел десять лет колымских лагерей и окончательно разочаровался в коммунизме и человечестве.

Так вот он, идеальный герой современного женского романа, предмет мечтаний и тайных девичьих слез! И в самом деле, как предмет – пет, пока еще не любви, а, скажем так, симпатии – Волкодав идеален. Он мужествен, крут, верен и предан – потому что это входит в число его изначальных, родовых особенностей. Он одинок – потому что так получилось. Он прошел огонь, воду и медные трубы, искалечен-перекалечен, болен и несчастен в жизни – и это самое главное положительное качество, потому что его можно жалеть, а

жалеть убогих на Руси испокон веков было самым популярным женским занятием. Словом, Пиругу такое и не снилось. Правда, есть подозрение, что в процессе болезней-страданий наш герой потерял еще одну немаловажную мужскую способность, но эти инсинуации мы пока отметем. Тем более, что сути дела они не меняют.

Ведь Волкодав – о чудо! – не требует в ответ на свою верность ничего. Ни ответной верности, ни любви, ни даже внимания. Он просто служит. Может быть, это и есть заветная мечта очень многих женщин – герой, который просто бы служил, охранял, берег, не прося ничего взамен? Недаром ведь еще один роман Семёновой, «Валькирия», имеет еще и подзаголовок «Тот, кого я всегда жду».

Однако в пустом безвоздушном пространстве и даже в абстрактном славянском лесу Волкодавы не живут, им тоже требуется определенная и достаточно подробно описанная (традиции жанра!) среда обитания. Вот и появляется селение на берегу озера, окруженного холмами и девственным северным лесом. Из озера вытекает река, несущая свои воды дальше, в Великую Ладугу... А это уже историко-географическая привязка, можно даже сказать – зачатки архетипа. В Ладугу с Балтики, из Финского залива (как он тогда назывался?) ходят лодьи, а правят лодьями суровые варяги. Которые, согласно Е. Лукину, тоже являлись нашими предками-словенами.

Чем наши предки занимаются в водах этой самой Балтики, автор обычно умалчивает. Но добра оттуда обычно привозится много. В том числе и пленные, среди которых обнаруживаются и красивые девушки с печальной и романтической биографией. Впрочем, наш Волкодав на посторонних девушек внимания не обращает (тем самым косвенно подтверждая приведенные парой абзацев выше инсинуации). Обычно он отпускает их на волю – иногда даже оказав некоторую помощь в поиске пропавшего возлюбленного (а как же без возлюбленного?).

В общем, варяго-словено-волкодавы успели за последние несколько лет заселить Серые Горы достаточно широко. Иногда среди них можно встретить и женский образ – но образ этот будет обладать длинной русой косой, тяжелым варяжским мечом и смутной тоской по своему Волкодаву во взгляде глубоких серых глаз, так что попытаться поухаживать за этой девушкой может рискнуть только полный идиот.

По развее нет в отечественной словесности других образов и других архетипов? Конечно, есть – на зависть папу Сапковскому, страдающему от отсутствия архетипов в польской фэнтези. Ну, а у нас этих архетипов – полный мешок! Вот, например: утонченно-бледное лицо, руки с тонкими чуткими пальцами, черные волосы, черный плащ за плечами, под порывами ветра напоминающий то крылья, то перекладину распятия. Словом – Люцифер, падший ангел, низвергнутый в этот мир за непокорность и желание творить самому. Паталя Васильева и Наталья Некрасова, они же Низиннах (Ниенна) и Иллет. «Крылья Черного Ветра». Пан Анджей упомянул пируговатый постолкиенизм лишь вскользь, мельком – а зря. На отечественной ниве это выросло не только в «Кольцо Тьмы», но и в апологию этой самой Тьмы – объемистый и вполне дамский роман, повествующий о борьбе последних рыцарей Мелькора с тиранией всеподавляющего Света. Альбгойский Крестовый поход, алчные рыцари Господа, крестом и мечом выкорчевывающие из Прованса ересь – вместе с культурой и инакомыслием. Корчащиеся в очищающем пламени Инквизиции страницы книг и храмы, сожженные во имя Божие. Эстетика известна и знакома давно, но почему же образ Владыки Тьмы тоже кого-то нам смутно напоминает? Измученный, прошедший пытки и многовековое заключение в подземельях Мандоса («три эпохи строгого режима» как выразился А. Свиридов), израненный и потерявший часть своей изначальной Силы. Ну и, естественно, влюбленная в него девушка... тьфу ты, опять перед нами все тот же шемящий женское сердце образ Волкодава – только на несколько более утонченный лад. Не скрою, лично мне этот вариант кажется симпатичнее – возможно, из-за того, что Мелькор у Васильевой хотя бы ощущает свою ответственность перед окружающими его людьми. Тому же Волкодаву понятие ответственности вряд ли даже знакомо – сер он, и в Серых Горах живет... А может быть, здесь тоже выполняет на свет архетип, причем на этот раз выработанный за многие годы нашей литературой и кино: вот Черный Владыка играет в снежки с эльфийскими детьми, вот он беседует с пораженными ходоками из далеких земель. Остается его только в Горки на лечение отправить. В Серые...

Так есть ли вообще женщины в русских селеньях... то бишь, в русской фэнтези? – может воскликнуть вконец измученный читатель.

Как ни странно, есть. Возьмем, к примеру, недавно выпшедший в «Азбуке» роман Полины Коньловой «Летописи Святых земель». Герония его путем хитроумных интриг, подкупа, яда и кинжала, не гнушаясь использовать в качестве разменной монеты и свое собственное тело, за пару-тройку лет из безродной супруги короля становится абсолютной властительницей страны, бросившей

вызов самой Древней расе, на чьей магии, могуществе и ленных владениях зиждется само королевство. Словом, вполне полнокровный женский образ на фоне кровавых рек, гор отрубленных голов, и жутких подвалов тайной канцелярии – еще один, кстати, архетип: XVIII век, Екатерина II пополам с Терисен де Меркиюр и Великой Французской революцией. Правда, к финалу героиня приходит полуживая, искалеченная пытками, потерявшая почти всю свою красоту и блеск... что-то это нам опять напоминает. А для контраста (или оттенка?) рядом с ней – юноша, почти ребенок, наследник древнего рода, романтический, честный и влюбленный. Изъды, дух дедушки Фрейда, явись, дух Волкодава!

Впрочем, мы все-таки можем утешить уважаемого читателя. Есть ведь еще и такое понятие – профессионализм. Это значит, что за дело всего лишь должен взяться специалист – и оно пойдет на лад.

Специалистов же по женской психологии в отечественной фантастике было в свое время немало. А Далия Трускиновская так и вообще в своем творчестве с самого начала склонялась к фэнтези. Правда, фантастика всегда стояла у нее на втором плане, а на первом был именно характер героини – желающей не только любви, но и странного. А жажда любви в комплекте с желанием странного могут ведь завести очень далеко. Иногда даже – в другие миры. Впрочем, чего мы там не видали, Волкодавов что ли? Так этих воителей с квадратной челюстью везде пруд пруди, но любой боцман Гангрена с автоматом Калашникова их всех вмиг за пояс заткнет.

Нет, нам бы что-нибудь поутопченнее, менестреля, например... И вообще, мы же странного желаем. А Волшебную Страну никто спасти не пробовал? Не мир, а просто отдельно взятую страну. Как Жанна д'Арк, весело и с удовольствием?

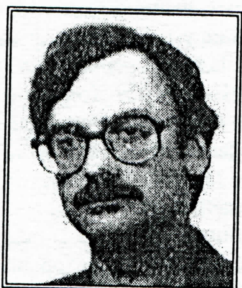
В общем, подведем итоги: золота в Серых Горах действительно нет. Зато там в массе бродят Пируги с Волкодавами, изредка издавая нечленораздельное рычание и потрясая своими архетипами, а в самых глубоких оврагах смутно витает еле уловимый дух доктора Фрейда, кое-где даже перекрывая дух профессора Толкиена... Но не на Серых Горах белый свет и карта клином сошлись – поблизости и в отдалении тоже имеются кое-какие местности, иногда даже населенные. И некоторые из женских образов, обитающие там, несмотря даже на некоторую архетипичность во внешности, временами выглядят вполне ничего.

И последняя мысль, которая почему-то все не может меня оставить. А что, если есть еще третий путь: не мужская литература и не женская, а – общая, совместная. По крайней мере, такого тандема двух характеров, как образы ведьмы Ивги и инквизитора Клавдия из романа Марины и Сергея Дяченко «Ведьмин век», я уже давно не встречал не то что в фэнтези, но и в литературе вообще.

Но это так, мысль напоследок и не имеющая к заданной теме непосредственного отношения.

Интервью: классики...

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ:

«Я стараюсь писать хорошую фантастику...»

ОТ РЕДАКЦИИ: Как вам уже известно, в этом году лауреатом приза имени И.А.Ефремова, традиционно вручаемого на фестивале «Азлита» за пропаганду фантастики, стал Александр Каширин, хозяин книжного магазина «Стожары». Но магазин Каширина знаменит не только тем, что, как утверждают московские библиофилы, в течении месяца через него проходит практически любая фантастическая книга, издававшаяся в нашей стране в последние тридцать лет. Дело еще и в том, что в «Стожарах» дважды в месяц собираются заседания своеобразного клуба любителей фантастики – встречи читателей с писателями, издателями, журналистами, просто тематические заседания. В основе этого, естественно, лежит огромная организационная работа, которую умудряется проделывать Александр Каширин работая на чистом энтузиазме. Можно сказать смело: эта премия заслужена и отработана стопроцентно. Ниже мы представляем вашему вниманию стенограмму, выполненную нашим корреспондентом по видеозаписи одного из наиболее интересных и значимых заседаний клуба в «Стожарах», прошедших в минувшем году.

Встреча с польским писателем Анджеем Сапковским, автором нашумевшего «Ведьмака» и цикла прилегающих романов, была записана на видео Алексеем Свиридовым и безвозмездно предоставлена в наше распоряжение. Спасибо, Алексей!

* * *

Сапковский: Во-первых, простите, что я задержался, но у меня были обязательства – книжная ярмарка, посол, атташе, черт знает кто... Но наконец я здесь. Очень рад. Задавайте мне вопросы – я буду отвечать. Думаю, если все присутствующие зададут по вопросу, разстанемся мы под утро. Меня это вполне устраивает, не знаю, как вас. У меня времени много, я никуда не спешу.

Вопрос: Какие книги вы написали?

Ответ: Два хоррорных романа – вы их не знаете, потом один «романс», тоже фантастический, фантасти про Тристана и Изольду под заглавием «Маляди», вещь, которую можно назвать «твердой» полит-фантастикой, под названием «Воронка» и один отдельно стоящий рассказ-фантасти «Дорога, с которой не возвращаются». Кто видел книгу «Истребитель ведьм», должен этот рассказ помнить. Это все. Остальное – главным образом «Ведьмак» – началось с рассказов. Изначально их было десять. Потом пошла сага. Но не бой-

тес, романов будет только пять штук. Желязны написал десять, Эддингс написал десять, я – только пять.

В.: Желязны тоже начинал с пяти...

О.: Да, он начал с пяти, потом написал еще пять. Я подтверже. Пять – значит пять.

В.: Пан Анджей, скажите, как у вас родился образ Вельмака?

О.: Когда я начал работать в области фантастики, я абсолютно не верил в успех. Абсолютно. Просто была какая-то тяга писать. Я посылал рукописи в разные журналы, даже в рыболовные, и когда «Фантастика» объявила конкурс на лучший рассказ, я сказал себе: почему бы нет, напишу рассказ. Отчего именно фэнтези? Ну, я тогда подумал, что поляки не умеют писать фэнтези, и, кроме меня, к этому жанру никто не обратится. Ладно, я решил, что напишу

фэнтези. Но какую? Толкиеновскую? Нельзя – слишком ограничен объем. Боевую фантастику, как Конан? Но это дурно пахнет. Что остается? Остается переделать сказку или легенду. И мне вспомнилась польская сказка про молодого сапожника, который явился в некий город, освободил его от чудовища, убивавшего людей, и взял в жены королеву. Я сказал себе: это идиотизм! Такие дела не делают сапожники, сапожники шьют сапоги, а такими вещами занимаются профессионалы. И я придумал профессионала.

В.: Отсюда строчки: «...почему все сапожники такие идиоты»?

О.: Это момент, типичный для польских сказок. Там вместо Ивана-дурака всегда действует сапожник. Почему – я не знаю. Традиция...

В.: А как вообще в Польше обстоит дело с фантастикой? У нас из польских авторов известен только Лем, да теперь вот вы...

О.: О, знаете, у нас все совсем наоборот. Лем продается очень плохо. Лема люди просто не хотят читать. Я не знаю, почему. Но есть огромное количество молодых авторов, которые пользуются популярностью.

В.: В статье «Пируг, или Нет золота в серых горах» вы очень плохо отзывались о своих польских собратьях.

О.: Да. И они больше не пишут. Были – и сгнули. Но! Те, кто пишет хорошо – они остались. Остался Феликс Кресс, осталась Эвка Беоленска, пишущая хорошую фэнтези, есть Гено Демски, автор фэнтези и фантастики, есть Земкевич, выдающий очень хорошую фантастику, Орамус... Я думаю, они пробьются. Мало быть хорошим писателем, надо еще разбираться в коммер-

ции. Это не так уж просто, как и все, что связано с деньгами.

В.: У нас в России как-то сложилась практика, что лучше всего продаются книги, которые хуже всего написаны.

О.: Нет, я думаю, это должно быть совсем не так... Мой переводчик, с которым мы обменялись письмами, когда он работал над моими книгами, создал у меня впечатление, что россиянам канон фэнтези совсем не знаком. Никто-де не читал даже Толкиена, даже Говарда, короче, никто ничего не знает про фэнтези. Он у меня спрашивал, что такое эльф, что такое Пак... Я-говорю – почти Шекспира, там у него все написано. Но сегодня я посмотрел на книжной ярмарке – все ведь есть! Абсолютно все, даже больше, чем в Польше. Я критиковал в «Пируге» «Гора» Джона Нормана, и «Гора» в Польше нет, а у вас есть!

(Реплика: Это скорее плюс Польше, а не нам.)

В.: А кого-нибудь из русских авторов вы будете критиковать?

О.: Нет, русских я критиковать не буду, я ведь их не знаю. Но если я задам себе труд – а вполне возможно, что и задам... Я видел русских авторов фэнтези. Например, есть такой Бушков. Пока я его, конечно, критиковать не буду, сперва прочитаю...

В.: Но Бушков был одним из первых переводчиков ваших произведений.

О.: О да, конечно. И ни копейки не заплатил. Теперь – реванш!

В.: Как вы считаете, какая разница существует между научной фантастикой и фэнтези?

О.: На мой взгляд, между ними нет никакой разницы – все зависит от того, какой ассоциативный ряд сложился у писателя. Но в фэнтези есть очень опасный момент. Это литература, в которой так и напрашивается визуализация – дракон, кровь, голая баба... Так и хочется описать то, что видишь. Голая баба – это красиво. Неправда! Так писать нельзя, это грубейшая ошибка. Литература не видео, ее нельзя воспринимать глазами. Нельзя писать о том, что видишь. Надо писать о том, что чувствуешь.

В.: Как бы вы могли оценить качество перевода ваших книг на русский язык?

О.: Я его очень тщательно проверяю – конечно, пост-фактуум. Я вижу книгу только тогда, когда она уже вышла. Переводчик пишет мне письма, письма, письма, где задает вопросы, много вопросов, и это хорошо. Потом я получаю книгу и нахожу массу ошибок, но в целом – это хорошо. Он неплохо понимает мой язык. Там – и это очень опасный момент – где я хочу, чтобы было смешно, где у меня шутка, все нормально. Ошибки, конечно, бывают, но я думаю, против этого средств нет. Этого не избежать.

В.: Какой перевод вам больше нравится – тот, который был в «Истребителе ведьм» или нынешний?

О.: Новый перевод, по-моему, получше. Этот переводчик меня лучше понимает.

В.: В каком направлении быстрее распространяются ваши произведения – на восток или на запад?

О.: На юг, в Чехию. Там происходит что-то вроде того, что сейчас в России. В Чехии вышло больше книг, чем я написал. Они просто иначе поделили

тома. Но все, что я написал, в Чехии опубликовано и пользуется спросом. В рейтинге ежемесячника «Икаррия» мои новые книги всегда занимают первое место. Так что на юг. Вторыми были немцы, но там очень тяжело: перевод есть, а книги нет. Хотя, по большому счету, первыми были русские, но они никогда не платили. Бушков... да, я его запомнил.

В.: Пан Анджей, почему вы решили перейти от малой формы к большой?

О.: Знаете, я на это так отвечаю: я подумал, что польской фэнтези следует иметь хотя бы одну сагу. Я знаю, я их больше писать не буду. Короткая форма очень сложна. На восьмидесяти страницах надо сделать абсолютно все. Сага – это просто. К малой форме я еще вернусь. У меня дома лежит вот такая стопка заготовок. Но сперва я должен закончить эту, черт возьми, сагу. У меня нет времени ни на что, кроме этой самой саги. Когда я еще работал во внешней торговле и увлекался фантастикой, я каждый год ездил в Монреаль, в Канаду, на международную пушную ярмарку. Я заходил в книжный магазин и покупал новый «Эмбер» от Желязны. Каждый год был новый «Эмбер». И однажды я приезжаю, бегу в магазин: «Эмбер» есть?» – «Нет.» Э-э-э! Черт его побери, он что там, только водку хлещет? Лентяй! Почему не пишет? Я вот из Польши – а «Эмбера» нет! Когда я начал писать свою сагу, я решил: обо мне этого никогда не скажут. Каждый год – будет. Хотя бы я треснул, но новый том будет. В этом году я попал в госпиталь, последний автограф дал на операционном столе. Январь выпал. Начал в феврале. Далее. Польские фэны сказали: что ты такие тонкие книги пишешь? Семь-восемь глав... Ну, хорошо, пусть будет так, хотя... Одиннадцать написал! Успел!

В.: Пан Анджей, вы сказали, что хорошо знаете канон фэнтези. Что вы подразумеваете под этим понятием? Какие вещи вы можете назвать каноническими?

О.: Знаете, сейчас я фэнтези почти не читаю. Думаю, то, что там наиболее интересно, я уже прочитал. Конечно, есть какие-то новые люди, но у меня почти не остается времени на чтение. Кроме того, я думаю, очень редко кто-то из новых авторов становится явлением. Я начал читать фэнтези давно и некоторый опыт у меня есть. Толкиен был издан в Польше в шестидесятых годах, трилогия Урсулы Ле Гуин в семидесятых, а в девяностых годах было издано практически все из хорошей фэнтези. Я на это даже повлиял. Кто читал «Пируга», знает, что я имею в виду. Я там рассматривал канон фэнтези, перечисляя вещи, которые надо непременно показывать читателю, а над некоторыми я издевался. Хорошие произведения изданы, а плохих не издают – и это хорошо. Ну, остались вещи, которые я тогда советовал издать и которые не изданы – в России я их тоже не видел. На ярмарке я очень внимательно следил за ассортиментом. Видел даже Мелани Роун, даже Джона Нормана, даже Говарда, даже Брукса, Претчета, Джека Вэнса – правда, не знаю, что именно...

В.: А что вы думаете о ролевых играх, РПГ?

О.: Это проблема. Когда мы приезжаем на конвенты, и из двухсот собравшихся сто пятьдесят человек играет в ролевые игры, а пятьдесят хочет послушать писателя, многие писатели начинают плакаться – Земкевич, Орамус и другие. Но это такой плач знаете ли, фальшивый. Раньше, когда писатели

входили на конвенцию – все вставали, как те биндюжники в песне про Одессу. А теперь не встают – играют! Даже не видят, что я вхожу. Пусть будет! Я думаю, некоторые играют в персонажей, которых я придумал, другие играют, сами не зная во что – но потом прочитают книгу. Дай им бог! Что лучше: хлестать водку или играть в ролевые игры?.. (Реплики: Конечно, водку хлестать!.. Одно другому не мешает!)

В.: Пан Анджей, а можно не совсем корректный вопрос?

О.: О-у, пожалуйста! Наконец-то!

В.: Извините, а вы своего Ведьмака, часом, не ненавидите после трех томов?

О.: Нет, еще нет. Эддингс написал их десять. Почему мне должен надоесть мой Ведьмак? Нет. У меня план очень точный. Не опасайтесь, я уже сказал: я не собираюсь впадать в эту бесконечность. Я решил это три года назад: будет пять томов. И то только потому, что мне хочется, чтобы польская фэнтези имела хотя бы одну сагу.

В.: В пятом томе его убьют?

О.: А вот на этот вопрос я не отвечаю.

В.: В «Пируге» вы вспоминаете историю с батистовыми трусиками...

О.: О, да-да... Началась большая афера, и ко мне стали применять такие термины, как «постмодернизм», я и сам не знаю что. Начали кричать: «Какие там трусы! Во-первых, трусов вообще не может быть...» Ну да, как же – в фэнтези трусов вообще не бывает...

В.: У вас очень реалистично описаны отношения между Геральтом и Йеннифер...

О.: Это не имеет ничего общего с реализмом, вообще ни с чем, кроме употребления слов. Слова должны звучать. Это как фортепиано. Игра. А уж какие слова... Нельзя употреблять слово «секунда», например. Нельзя! Но это слово звучит...

В.: Я хотел спросить: у Геральта и Йеннифер были реальные прототипы?

О.: Нет. Я никогда не использую никаких прототипов, никогда не пытаюсь делать карикатуру.

В.: В третьем томе многие разглядели аналогю с 1939 годом, с пактом Молотов-Риббентроп.

О.: Да, но чехи сказали, что это про то, как поляки отобрали часть чешских территорий. Это история. Пакт Риббентроп-Молотов для вас, а для чехов – пакт Польша-Гитлер. Мы отобрали у них Тишинскую Силезию, вторглись и отняли. Чехи так это поняли. А я, конечно, писал про 17 сентября 1939 года, дату, которую все поляки помнят наизусть. Это дата, когда Красная Армия вторглась в Польшу, нанеся ей удар в спину, и разделила нашу страну в четвертый раз. Я просто использовал это в фэнтези.

В.: Каждый народ в ваших книгах имеет реальный прототип?

О.: Конечно, но я не очень этим увлекаюсь. Такого, чтоб каждая вторая строчка была завязана на реальность, у меня нет.

В.: Пан Анджей, а вы не думали писать что-нибудь помимо фантастики? Скажем, исторический роман?

О.: Когда я начинал «Ведьмака», первую новеллу, я ничего не загадывал наперед. Мне казалось, что на ней-то все и кончится. Сегодня я думаю о будущем, и даже скажу, что думаю. В истории Польши и Чехии есть очень сложный эпизод: Гуситские войны. Я думаю заняться этим – но с оттенком фэнтези. Я знаю, это конъюктура. Но исторический роман никто не возьмет. Фэнтези возьмут все. А если на обложке еще будет написано «Сапковский»...

В.: Продолжая тему реальных прототипов: язык эльфов – это что?

О.: Язык эльфов – это смесь, «коктейль Молотова» из уэльского, ирландского, итальянского и – там, где я хочу, чтобы меня понимали – английского и немецкого. Для читателя это должен быть чужой язык. Он не должен знать,

что там написано, он должен это чувствовать.

В.: Пан Анджей, в Польше существуют комиксы, экранизации, инсценировки по вашему «Ведьмаку»?

О.: С комиксом дело обстояло так. Я никогда никому не давал согласия, сколько ко мне ни обращались. Я всегда говорил, что это не визуальное искусство. Но наконец ко мне пришли во-от с таким мешком денег. Пришел Паровский, которому тоже пятьдесят лет и с которым мы прекрасно понимали друг друга, пришел график Богуш Поль... Мы все вместе очень хорошо поговорили, и я решил: может, что и получится. Потом пришел издатель, Прушинский, с мешком денег. Поверьте, это был такой мешок... Я сказал: хорошо, о'кей. Начали мы

работать. Паровский, редактор «Фантастики», писал сценарий, Поль рисовал. Потом мне показали результаты. Когда я попробовал потихоньку возразить, мне сказали: «Молчи, сукин сын! Ты свое уже написал, теперь наша работа...» И я больше ничего не говорил.

В.: А экранизации?

О.: Да. Но тут я был помудрее. Я просто сказал: «Хорошо, но положите деньги вот здесь». Сейчас этим занимается польская кинофабрика, которая принимала участие в съемках «Списка Шиндлера».

В.: Пан Анджей, вы знакомы с русской фантастикой и фэнтези?

О.: С фэнтези – нет. Я не знаю ни одного произведения русской фэнтези. Конечно, были попытки, но и только. Зато западную фантастику я начал читать по-русски. У нас в Польше просто было достать русские книги. Я тогда еще не работал во внешней торговле и многое покупал на русском. Ле Гуин,

Говард, Спрэг де Камп, Джек Вэнс, Сильверберг – всех их я читал в советской серии «Зарубежная фантастика».

В.: Пан Анджей, говорят, вы занимались артуровскими легендами и даже написали книгу, которую представители издательства «АСТ» обещали издать на русском языке.

О.: Да. Эта книга будет издана. Когда? Я думаю, в следующем году. Это эссе, где я рассматриваю один вопрос: как легенда о короле Артуре повлияла на западную фэнтези. Там очень много примеров, как легенда повлияла на литературу.

В.: Пан Анджей, что заставило вас покалечить в третьем томе саги своего героя?

О.: Знаете, Стивен Кинг сказал: «Хорошая фэнтези – это история про героя, который либо потерял свою силу и хочет ее вернуть, либо не имел силы и пытается ее обрести. А плохая фэнтези – это про героя, у которого сила есть, и который ее вымахивает». Я стараюсь писать хорошую фэнтези.

В.: Как вы относитесь к Кингу?

О.: Я очень хорошо знаю произведения Кинга. Когда-то я думал, что Кинг – это тоже конъюктура. Он еще не был переведен на польский, когда я попробовал писать хоррор в его стиле. Написал два романа, которые пользовались спросом. Но потом я понял, что хоррор – как судно, его очень легко посадить на мель. Там надо или очень хорошо писать, или вообще не писать. Хоррор опасная вещь. Если он смешен – это не хоррор. Если он не страшен, это тоже не хоррор. Но как этого избежать? Я когда-то прочитал «Кладбище домашних животных», так после этого, поверьте ли, боялся выключить свет! Вот это – хоррор.

В.: А вам не кажется, что Кинг иронизирует над жанром?

О.: Да, он может. Потом мне сказали, что Кинг – вообще не автор хоррора. Кинг автор американской культуры. Я теперь не знаю. Для меня Кинг – это «Оно», «Кладбище домашних животных». Но Кинг сам когда-то сказал, что он продаст издателям что угодно, даже квитанцию из прачечной. В этом много правды.

В.: Пан Анджей, вы упомянули, что в Польше не читают Лема. В России же он пользуется значительным успехом, как и на Западе. Чем вы можете это объяснить?

О.: Ничем. Я абсолютно не в состоянии это объяснить. У всех, кто хочет, Лем стоит на полках, а кто не хочет – тот его не покупает. Говорят, что Лем электичен. Его очень тяжело понимать даже мне, эрудиту. Порой я попросту не понимаю Лема. Но «Непобедимый», «Солярис» – на мой взгляд, эти вещи должны быть у каждого.

В.: Может, просто наелись?

О.: Скорее недоели. Булгаков, «Мастер и Маргарита» – его много издали, и он весь продан. А Лем не продается!

В.: Пан Анджей, а вы не считаете, что повесть «Маска» – это тоже некоторый вклад в фэнтези?

О.: Абсолютно верно! Хотя Лем неоднократно и говорил, что он с фэнте-

зи не имеет ничего общего. Но я подозреваю, что он знал, какой заряд содержит фэнтези, и сознательно это использовал. «Маска» – это типичная фэнтези. Конечно, не фэнтези типа Конана, не фэнтези типа «Гор», не фэнтези типа Толкиена – это фэнтези типа Лема. Ни на кого не похожая. Вот так нам всем и надо писать!

© Видеозапись Алексея Свиридова, сокращенная расшифровка и литературная обработка Василия Владимировского.

...И современники

НАШИ ВОПРОСЫ к Полине Копыловой

Корреспондент: Назовите десять книг, которые потрясли ваш внутренний мир.

Полина Копылова: Гм, а вы уверены, что их было десять? Ладно, попробую посчитать, начиная с самого детства, те, которые заставляли меня вспомнить, что на свете есть еще что-то, кроме меня самой. Итак:

1) Сельма Лагерлеф, «Путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями» – попадает в список исключительно потому, что это первая книга, которую я прочла совершенно самостоятельно в возрасте *пяти* лет.

1-бис) Какая-то советская фантастика, вероятно, Казанцев или Ефремов (другого в школьной библиотеке не водилось, а кто, точно не вспомню, давно было), которая, собственно, разъяснила мне, что есть такие звезды и туда летают. Догадываюсь, что впечатление было намного сильнее, чем помнится сейчас.

2) Генри Райдер Хаггард «Прекрасная Маргарет» – окончательно убедила меня в том, что отрицательные герои лучше положительных, если не лишены обаяния и ореола страдательности. Кроме того, именно к ней я начала лет в 14 писать продолжение, называемое романом, которое явилось «предтечей» «Летописей...» во многих отношениях (в т. ч. и персонажей).

3) Александр Грин, все творчество в совокупности – создало прецедент (Гринландию), тем самым дав мне моральное право ваять совершенно самостоятельные (в т. ч. и от Земли) миры, за что я благодарна до сих пор.

4) Евгений Замятин, «Мы» – первое знакомство с антиутопией как таковой и единственная книга, в которую я врубилась со второго раза, так как была приучена к обычной фантастике и сперва приняла «Мы» за авангардную ерунду. Пожалуй... пожалуй именно «Мы» отучила меня томиться тоской по звездам и гуманоидам, повернув лицом к Земле.

5) Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита», была для меня откровением, способствуя полному пересмотру категорий Добра и Зла. На время они даже поменялись местами, пока следующая книга не разъяснила мне, что Зло по Булгакову, собственно, не есть Зло, чему я порадовалась.

6) Даниил Андреев, «Роза Мира» – поставила меня на ноги по части мировоззрения. Во всяком случае, я теперь точно представляю, чего мне делать не следует, чтобы карму потом сто лет не развязывать.

7) Станислав Лем, «Эдем» – помог понять (думаю, что раз и навсегда), что же такое инопланетяне и Контакт. С тех пор никаких «неземной красоты» межзвездных див на дух не выношу!

8) Джордж Оруэлл, «1984» – энциклопедия тоталитаризма. После этой книги понимаешь, что живешь не в худшем из миров.

9) Уильям Стайрон «Выбор Софи» – скорей подтверждение ранних умозаключений, выведенных по прочтении «Розы Мира», и впечатляющая трактовка Зла в *нашем* мире. Есть вещи, которых *лучше бы не было*, эта книга – как раз про них.

10) Ф. Кафка «Замок» (или «Процесс», что не важно) – выявление тайных причинно-следственных связей во всем происходящем вокруг, и неожиданный вывод: уметь их использовать вовсе не обязательно, но жить, не зная о них, нельзя.

Вот и все. Кажется, почти уложилась.

Корр.: Назовите пять ваших любимых авторов.

П.К.: А почему так мало? Ну ладно: М. Булгаков, С. Лем, А. Камю, Л. Фейхтвангер, Г. Бёльль (Ф. Кафка, А. Толстой... их еще много-много!)

Корр.: Почему вы пишете именно фантастику?

П.К.: Почему фантастику? Да черт ее (то есть меня) знает! Для меня понятие фантастики вообще очень относительно. Ведь жизнь гораздо разнообразнее, чем принято думать, и для меня творчество – лишь отражение и разработка ее неучтенных возможностей. Все, что я описываю, для меня имеет какое-то

вполне реалистическое объяснение, все это так или иначе *может иметь место*, а если для кого-то это фантастика, ну что ж, это, как говорится, его личные проблемы. Учитесь верить в чудеса. Что до меня, то я люблю находить в обыденности «зародыши» фантастических ситуаций и развивать их на бумаге в повести (с романом история отдельная, об этом ниже). Видно, моя реальность богаче, чем у других людей – ну а дальше по принципу акына – что вижу, о том пою. А вообще начала с далекого детства (однажды «Ленинские Искры» опубликовали фантастический отрывок с просьбой продолжить, ну я и продолжила), и по-другому не могу. Нужен непренменный «сдвиг по фазе», шаг в сторону от действительности. Не то что нужен, а просто не могу иначе смотреть на жизнь. Поэтому моя фантастика – это скорее фантастика совпадений и ситуаций, нежели фантастика прогнозов, идей и концепций. Посредством традиционной фантастики мы уже покорили пространство, время и стихии, и потеряли ко всему этому интерес. Так что – почему бы и не поискать интересного в жизни, которая подчас дарит такими ожидаемыми неожиданностями, что дух захватывает?

Корр.: Волнуют ли Вас и Ваших персонажей проблемы современного общества, если да – то какие?

П.К.: Интересуюсь ли я современными проблемами окружающего мира? О, конечно. Вернее сказать, некоторые из них интересуются мной. В основном это различные явления социологического порядка – молодежные объединения, секты... Действительно острый интерес вызывают два момента: почему человек неглупый, образованный и способный, начинает тосковать и искать себе «мирок», и каким образом «мирок» так воздействует на человека, что тот теряет голову, а порой и свободу воли. То есть из частного интереса к явлению прорастает интерес к идеологии и манипуляции сознанием. Правда, в своем интересе к этим вопросам я не исследователь, собирающий данные по крохам, а скорее наблюдатель, внимательный и порой пристрастный. Чем такой мой интерес продиктован? Наверное, окружающей ситуацией и сознанием того, что, поскольку я в этой ситуации существую, живу, нахожусь, то «кирпич» на голову падать будет мне, значит, надо смотреть в оба и по крайней мере успеть вовремя податься в сторонку.

Что касается произведений: я не сторонник соцреалистического положения о том, что литература есть отражение действительности, но как-то так выходит, что только действительность в моих опусах и отражается. Другое дело, что отражение получается иной раз странноватое, но тут как раз случай, когда можно пенять на зеркало.

По крайней мере, две вещи были написаны «по проблемам». (Не считая романа – но что касается его, то я предпочитаю, чтобы о его содержании объясняли МНЕ, а то могу далеко зайти и заблудиться). Первая – повесть «Кто (он)? Кто (она)? или Игра в Чепуху», начатая с «подкальвания» ролевых игр, в которые играет герой, а законченная нешуточной драмой, когда игра перестает быть таковой и сливается с окружающим миром, оборачиваясь против героя,

который нарушил правила. Вторая – рассказ «Автопортрет с тенью», которому предшествовала большая глупость с моей стороны – а именно – однажды я «забыла» свой телефон в штабе партии Русское Национальное Единство с благим намерением сделать «правильный» разгромный телерепортаж (по профессии я тележурналист). Некоторое время мне оттуда позванивали, потом я по совету психолога «сыграла слабака» и отбилась, а через два года они позвонили снова... И я подумала – а что, если бы у меня не было альтернативы – кроме как сотрудничать с ними или пропадать – допустим, в условиях откровенно «коричневого» государственного режима. Как бы я себя вела, при условии, что сотрудничать с ними НЕ ХОЧУ? В эти условия я и поставила героиню моего рассказа, почти полностью списав ее с себя и последовательно задав ей ряд вопросов, на которые последовательно же (и по возможности честно) дала ответы. Итог неутешителен – молодогвардейца из меня явно не выйдет.

Но тем не менее забираться в башню из слоновой кости у меня склонности нет. Да и вообще – жизнь прекрасна и удивительна.

Корр.: Что в вашем тексте для вас важнее всего: характеры героев, изображаемый мир или идея, которую вам хочется донести до читателя?

П.К.: На самом деле штука, видимо, вот в чем. Характеры героев (то, что я для себя обозвала психологией) и изображаемый мир есть средства для достижения цели, а целью является та самая идея. Поэтому одно без другого не живет, хотя, конечно, есть примеры творчества, построенного целиком на психологии, и идея там возникает вполне целостная. Из личного опыта – если текст удастся, то в процессе написания идея обычно на первый план не выступает, а существует как бы подспудно. Толчок творчеству (помимо долгих и мучительных раздумий о тайнах и тяготах бытия) дает внезапно придуманная ситуация, любопытный персонаж, который «раскручивает» и «тащит» все за собой. Пока пишется текст, живешь этим персонажем, и такая жизнь требует возможно более полной достоверности во всем – от любовных признаний до ремешка на одежде. То есть я это все перед собой вижу, и зри... пардон, читатель, в идеале хотелось бы, чтобы тоже видел.

А написав, набрав на компьютере, повыдергав лишние словечки и повставляя нужные, начинаешь не спеша обозревать опус со всех сторон, и замечаешь неожиданно, что он не бессмысленный. И так тепло на душе...

А если говорить серьезно, то текст, поработанный целиком и полностью какой-либо идеей или концепцией, как бы «оголяется», вылезает наверх все «колеса-шестеренки» технологического процесса сочинительства, действие становится совсем уж предсказуемым, одномерным, и произведение делается добычей злопыхателей и критиков. Ведь хочется, чтобы в книге, даже при самой замечательной идее, было чуть-чуть «искусства для искусства». Это я ни на кого не намекаю, это я так, в пространство.

Корр.: Каковы были обстоятельства выхода первой вашей книги?

П.К.: Обстоятельства были совершенно голливудские. Два года назад (1996 соответственно) я записывала на местном радио (детская радиостанция «Заячий Остров») свою повесть. «Игра в чепуху» называется повестушка. Но это не суть важно и вообще притча, а сказка будет впереди.

Надо сразу сказать, что шутки шутками, а по жизни я человек серьезный и несколько циничный. Поэтому всякую фантастико-приключенческую требуху читаю редко, предпочитая литературу основательную и информативную, любовные романы презираю, а новый жанр, именуемый «фэнтези», ненавижу всеми фибрами души за то, что книги эти пудрят молодежи голову и внушают ложные идеалы. Собственно, и повесть моя «Игра в чепуху» – ба-а-альшой камешек в огород «фэнтези». Но это уже другая сказка. Короче, я ее прочитала, позвонили мне на студию благодарные слушатели, наговорили много хороших слов, спасибо им. (NB! Описываемые события происходили два года назад, с тех пор мое мировоззрение изменилось!)

А потом, неделю спустя, позвонил еще кое-кто.

В то время все метро было обвешено плакатами издательства «Азбука» – раскручивали как раз «Волкодава» и иже с ним. Я над этими плакатами потешалась, как говорится в молодежных кругах, «по страшной силе».

Так вот, из этого самого издательства звонит мне деловая дама и ласково так спрашивает: «А что, девушка, вы «фэнтези» пишете?» У меня челюсть бац по коленкам. Поправила я ее, и говорю: «Да нет, «фэнтези» я не пишу, да и вообще...» Вообще мне сказать не дали, а попросили рукопись. И нет, чтобы на принцип пойти, а я взяла и принесла. Только села говорить с этой приятной деловой женщиной, прибегает секретарша, как полагается, почти без юбки и на каблуках, и зовет меня аж к самому главному редактору, г-ну Назарову.

Г-н Назаров посмотрел на меня, как кот на мыша, и сказал следующее: «Объем у вас мал. Но если нас удовлетворит стиль, мы сделаем вам заказ на роман». Покивала я головой, ибо с начальством, даже с чужим, спорить не приходится, оставила ему рукопись на прочтение, а про себя думаю: «Какой там роман? Я же больше семидесяти страниц с роду не писала. Да и «дыхалки», как говорят спортсмены и сердечники, на роман не хватит». А главное, хотя я человек серьезный и циничный, воззрения на творчество у меня совершенно идеалистические: писать надо только по вдохновению.

Через неделю звонит мне снова та приятная женщина, и сообщает, что мой текст оказался у самого главного на этот раз «спеца» по «фэнтези», г-на Белова. Тут я чуть было не начала неприлично ржать. Еле сдержалась. Я – и главный «спец» по «фэнтези»! (Дело в том, что в кругу близких друзей я неоднократно высказывала следующую мысль: собрать всю изданную в России «фэнтези» в Москве на Лобном месте да и сжечь. И пусть это будет последним книжным костром в истории человечества. И да простится мне это заявление на земле и небесах во веки веков, аминь!). Тем временем приятная женщина меня предупреждает: «Вы, мол, того, осторожнее с Беловым, он молодежь искушать любит, не поймайтесь, мол...» Ну а мне в первый раз, что ли. И не такие, и не тем искушали. Ловлю его по телефону, «забиваю стрелку» и прихожу. Он хвалит мою вещицу, жалуется, что мала, говорит мне кучу общих

комплиментов, и... предлагает написать роман.

Надо сказать, что хотя я по жизни и прагматик, но сильно уважаю литературные суеверия: содержания до окончания работы не выдавать и название придумывать напоследок. Иначе не заладится. А здесь люди деловые, kota в мешке брать им резона нет, и, чтобы заказ состоялся, требуется заявка с кратким содержанием. Казалось бы – делай ручкой и уходи, свободный творец, беги от ремесленничества и халтуры к свободному творчеству. Но... не послушалась я милой женщины и ума с разумом. Бродила во мне с шестнадцати лет одна задумка. Не «фэнтези», правда, однако мир параллельный. Квазиисторическая хроника – потому что на историческую мне было бы не потянуть. Словом – дунула я, плюнула и накатала заявку. Как есть – без Добра, без Зла, без магии. Принесли. Думаю – пролетит. Схватили. Опять стали нахваливать. Сказали, что лучше мужиков пишу. Что вообще – могу не учиться и не работать, что я классный писатель. Даже магию, то есть ее отсутствие, простили. И попросили написать десять страниц начала, как основание для заключения договора.

Тут я и познала, что такое заказная работа – села писать десять страниц как реферат – с «холодным носом». Читаю – текст рассыпается, и понимаю, что лучше все равно не напишу, как не корпи. Да и неделя, данная мне на это, к концу подходит. Отдаю. Думаю – шалишь, на этот раз не поймаются. Провал. Жду, жду, жду...

Купились. Схватили, съели, скушали абсолютно «холодный», абсолютно «ремесленный» отрывок. У меня снова челюсть отпала – неужто *не видно?* Но тут колеса закрутились, меня взяли в оборот, подсунили бумагу на подпись, пообещали аванс, погладили по головке, дали полгода сроку на 400 страниц, а когда я робко вякнула, что мне, мол, еще и диплом писать надо, то снова заверили, что учиться мне уже нечему. Я законченный гений. Цена 100\$ за авторский лист. И контрольные звонки каждый месяц – не спилась ли?

В то время я до странности полюбила «Записки покойника», они же «Театральный роман» М. А. Булгакова.

Итак – надо написать 400 страниц. На это полгода. Я вздохнула и стала изучать секреты «холодного» письма на длинные дистанции. Сразу подумала, что ни один «нормальный» писатель 400 страниц подряд «гореть» не сможет. «Горение» происходит фазами, если вообще происходит. А если ты «холодный» (ну не как айсберг в океане, но близко к этому), то писать лучше все подряд в порядке происходящих событий, кроме отдельных коротких кусочков, от которых все-таки «загораешься». Иначе получится «лоскутное одеяло» и фрагменты будет очень сложно сводить. Потом – лучше три страницы в день, как школьник, чем десять за ночь, как гений. Сочинять помногу с «холодным носом» тяжело, получается вяло, небрежно, текст как бы рассыпается, словно бы из-за спешки не до конца винтики завинчиваешь.

Впрочем – первое время было недурственно – жили мы с подругой на даче (она тоже пишет), сочиняли каждый свое и читали друг другу, перемежая это винопитием и прогулками. Порой, правда, получалось по формуле «петушка хвалит кукуха», тем более, что тематика у нее схожая. Потом наступила осень,

начались занятия, подруга уехала учиться за границу, и я, оставшись без критика и сопитухи, несколько утерjala апломб.

Шли месяцы, а я все еще намертво висела на первой части. К тому же, «разогнав руку» на «холодном письме», я «перестала чувствовать под собой текст» и чувствовала себя так, словно у меня онемел вкусовой аппарат. Кроме того, побуждаемая чувством долга, я судорожно вправляла в текст нечто, отдаленно напоминающее магию, и столь же судорожно пыталась примирить ее с моими материалистическими воззрениями. Прибавьте к этому бесконечные разговоры о дипломе и приближающуюся раннюю сессию. Потом меня чуть не хватил удар – я поняла, что к сроку (20 января) я успеваю написать только первую часть из четырех задуманных. Холодеющими пальцами я начала пересчитывать страницы своих черновики. Четыреста было. Я стала названивать в издательство, но там с четвертого этажа переезжали на первый, и все телефоны отрубались. Тогда я пришла туда пешком с повинной головой. Простили со следующими словами: «Ну, что мы можем сделать, рожай дальше, в январе сдашь свою первую часть».

На радостях у меня начались наваждения. То мне казалось, что я сказала новое слово в литературе. То мерещилась какая-то небывалая премия, на которую я сразу куплю себе подержанный зеленый «Мерседес», розовые розы, и так поеду в аэропорт встречать из-за границы свою подругу. То думалось, что я одним шагом войду сразу во все питерские и московские «околоискусственные» тусовки и буду водить юных поклонниц в кафе «Розовая свеча». Потом я вообще пришла к выводу, что создала антиэльфийскую апологию наподобие «Mein Kampf» (Господи помилуй!), и все толкиенисты города Питера будут охотиться за мной круче, чем за Перумовым. И, конечно, внимание прессы...

Это при том, что я так и не могла понять, нравится мне это творение или нет. Я только каждую ночь набивала на папином компьютере 10-15 страниц, так что у меня выкипали мозги, а глазные яблоки заваривались вкрутую. Вставала я не раньше двух часов дня. Словом, вираж получился круче некуда. Даже не вираж, а пике.

Я успела с минимальным опозданием, отдав рукопись, правда, не благодетелю своему г-ну Г. Белову, а его коллеге С. Фроленко, который тоже оказался очень хорошим человеком. Впрочем, самое страшное еще только начиналось, потому что пройдя первичную апробацию, рукопись переходила к редактору, а я смертельно боялась получить в редакторы упертого «фэнтезюшника», который будет объяснять мне разницу между черной и зеленой магией и доказывать, что эльфы лучше людей. И тут так свезло мне, так свезло, ну просто неопишимо свезло – мало того, что редактору по фига было содержание (за что я больше всего опасалась) и он только добросовестно вычищал словесный мусор (против этого я ничего не имела), мало того, что каждая вторая встреча происходила в котельной, где он работал, и завершалась чаепитием, мало того, что он сам оказался писателем и замечательным стилистом, так еще выяснилось, что мы из смежных литературных тусовок, что у нас куча общих знакомых, и следовательно, куча общих тем для разговора, совпадающее мнение по

кардинальным жизненным вопросам и т.п... Словом, авторско-редакторские свары оказались побоку, а мы, прихлебывая чай, с наслаждением высмеивали творения господ Шульгина, Климова, Дугина (если знаете их, поймете, а не знаете, и слава Богу!), обсуждали музыку и просто говорили за жизнь. Ну, а дальше все пошло, как по рельсам, вплоть до 27, кажется, сентября, когда я рванула в «Азбуку» за бесплатными экземплярами, удостоилась аудиенции у начальства (было сказано много хороших слов обеими сторонами), и с чистой совестью погрузилась в море пива – отмечать пришлось много где и много с кем. Особенно горжусь тем, что среди отмечающих был и мой редактор Алексей Шельвах, пили мы с ним «Изабеллу» из серии «Ностальжи», и в ответ на мою книжку (разумеется, подаренную, разумеется, с надписью) он отдалился сборником своих стихов. Так что впечатления – самые радужные. Дай Бог, книга не последняя.

НАШИ ВОПРОСЫ к Антону Первушину:

Корреспондент: Назовите десять книг, которые потрясли ваш внутренний мир.

Антон Первушин: Не думаю, что буду слишком оригинален, но список выглядит так:

- 1) А. и Б.Стругацкие «Пикник на обочине»
- 2) А. и Б.Стругацкие «Улитка на склоне»
- 3) М.Булгаков «Мастер и Маргарита»
- 4) К.Воннегут «Сирены Титана»
- 5) К.Воннегут «Бойня номер пять»
- 6) В.Рыбаков сб.»Свое оружие»
- 7) В.Пелевин сб.»Синий фонарь»
- 8) С.Кинг «Кладбище домашних любимцев»
- 9) С.Кинг «Воспламеняющая взглядом»
- 10) Ильф и Петров «Двенадцать стульев»

Корр.: Назовите пять авторов которые оказали на вас наибольшее влияние.

А.П.: Тоже не блесну: Братья Стругацкие, Михаил Булгаков, Курт Воннегут, Вячеслав Рыбаков и Виктор Пелевин

Корр.: Почему Вы пишете именно фантастику?

А.П.: Начинал как любитель фантастики. И, как любой любитель этого жанра, попробовал подержаться за перо. Подержался – понравилось. И пошло-поехало.

Что же касается вопроса: «Почему ИМЕННО?», ответу так: фантастика – это проза неограниченных возможностей, а я не люблю себя в чем-то ограничивать.

Корр.: Ловили ли Вы себя в своем творчестве на подражании кому-либо? Если да – то кому?

А.П.: Случалось и случается. При внимательном прочтении многих моих ранних текстов («Свора Герострата», «Война по понедельникам») нетрудно обнаружить словечки, идиомы, целые стилистические обороты, позаимствованные из творчества Стругацких или Воннегута. Причем происходит это совершенно произвольно.

На прямом же подражании себя никогда не ловил – разве что, когда пишешь внутреннюю речь, руки чешутся воспользоваться известными наработками Стивена Кинга.

Корр.: Волнуют ли вас и ваших персонажей проблемы современного общества, если да – то какие?

А.П.: Я никогда не отделял себя от общества, в котором живу. И всегда активно интересовался его проблемами и тем, как эти проблемы на разных этапах развития решаются. Мои герои чаще всего поступают так же. Даже если персонаж изначально социально индифферентен, обстоятельства раньше или позже заставят его проявить активность в решении социальных проблем. Проблемы же могут быть самые разные: проблема оптимизации структуры власти, проблема межнационального взаимодействия, экологическая проблема и так далее.

Корр.: Над чем в художественном произведении вы работаете наиболее тщательно, что, на ваш взгляд, получается легче всего, а что – сложнее: сюжетная фабула, язык или характеры героев?

А.П.: Сюжетная фабула у меня получается сама собой: начиная любое новое произведение, я вижу только на три-четыре авторских листа вперед; как

пойдет сюжет дальше, предсказать невозможно. Кривая обычно вывозит.

С языком несколько сложнее. Главную трудность для меня здесь представляют описания внешнего мира, в котором происходит действие, наполнение этого мира мелкими, но живыми и столь ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ деталями. Подобрать адекватные языковые формы для этого порой бывает необычайно трудно.

Характеры героев. Я привык своих героев брать из реальной жизни. Самый надежный и проверенный способ. Другой вопрос: как, какими словами

передать читателю жизненность персонажей? И вот здесь возникают трудности.

Корр.: Каким образом вам удалось опубликовать вашу первую книгу?

А.П.: В 1993-м году, сразу после знаменитого пожара в Доме писателей, издательство «МСТ-Текс» заказало мне детектив в жанре «экшн» на вольную тему. Деньги они платили хорошие, и через полгода роман

«Свора Герострата» был готов. Поскольку я считаю себя фантастом и пишу фантастику, то и роман получился скорее фантастическим, чем детективным.

Однако в силу ряда причин «МСТ-Текс» было вынуждено отказаться от издания серии детективов, для которой писался этот роман. Рукопись пошла по издательством. Идея, положенная в основу романа (результаты применения психотронного оружия в отдельно взятом Петербурге), старела на глазах. Только в 1996-м году рукопись купило издательство «Центрполиграф» (Москва) для своей серии «Русский триллер», где роман в конце концов и вышел в виде отдельной книги.

Оптимистическая трагедия

Анатолий Гусев

КАВАЛЕРЫ ОЛОВЯННЫХ ЗВЕЗД

(Миры Харлана Эллисона. Т. 1 / Пер. с англ. – Рига: Полярис, 1997. – 382 с. – Тир. 10000. – ISBN 5-88132-291-6.

Миры Харлана Эллисона. Т. 2 / Пер. с англ. – Рига: Полярис, 1997. – 415 с. – Тир. 10000. – ISBN 5-88132-292-4.

Миры Харлана Эллисона. Т. 3 / Пер. с англ. – Рига: Полярис, 1997. – 382 с. – Тир. 10000. – ISBN 5-88132-293-2.)

Эту плотину прорвало в конце восьмидесятых. Еще вчера малодоступная, а то и вовсе недоступная переводная фантастика – в основном, англо-американского разлива, – хлынула на лотки бурным потоком. Сперва были изданы практически все не публиковавшиеся ранее произведения классиков – Хайнлайна, Азимова, Саймака и других. Чуть позже в ход пошли вещи экспериментаторов-нововолнистов, тексты классиков фэнтези вроде Говарда, творения популярных «сериальщиков» наподобие Энн Маккефри или бабушки Нортон – короче, все, что пользовалось у нас хотя бы минимальным спросом. Изданием этого добра в те годы занимались преимущественно сомнительного вида кооперативы, ставящие целью как можно быстрее выпустить книгу, получить деньги – немалые, ибо тиражи позволяли, – и благополучно рвануть когти, унося в клюве гонорар. Естественно, в такой ситуации в дело шли любительские переводы, которых немало расползло по стране, и которые редко отличались более-менее приемлемым качественным уровнем. Это торжество безграмотных переводчиков и нечистоплотных издателей продолжалось до тех пор, пока не стало ясно: нефтеносный пласт ФЛП-шки выработан, лучшая доконвенционная фантастика (порядком искалеченная нашими самородками), опубликована, а размеры тиражей уже не оправдывают риска пиратской публикации. Пожалуй, дольше всех из многочисленных отечественных издательств-пиратов продержались «Амбер-Лимитед» из города Ангарска и «Мэллор» из Прибалтики, но в итоге всеобщий издательский кризис подкосил и этих «могикан». Словом, казалось бы, эпоха незаконного массового тиражирования англо-американской фантастики минула, а вместе с ней канула в Лету и эра безграмотных самопальных переводов. Казалось бы... Однако так ли обстоит дело в реальности? Попробуем разобраться с этим вопросом на примере трехтомника Харлана Эллисона, видного представителя «нью вэй», «Новой волны», впервые столь полно представленного на русском языке издательством «Полярис».

Признаюсь сразу: сам я глубоко уважаю и трепетно люблю творчество многих сверстников и коллег Харлана Эллисона, но, владея в соответствующих объемах только русским языком, с произведениями этого мэтра, само

собой, знаком только отрывочно. Да, что-то выходило в сборниках, что-то появлялось в периодике, издательство «Азбука» даже выпустило в серии «Капитаны фантастики» отдельный том его рассказов (продратся через переводы, содержащиеся в котором, мне в ряде случаев оказалось не по силам). Но именно «Полярис», издатель упомянутого трехтомника, обещал познакомить нас с творчеством Эллисона, что называется, официально, с полного благословения американского писателя и его литагентов.

Одно дело – анонимно печатать необработанные подстрочники из ФЛП, и совсем другое – открыто представлять свою продукцию на суд читателей. Посмотрите, как чинно и благородно это сегодня выглядит: каждая из трех книг серии «Миры Харлана Эллисона» начинается официальным предупреждением: «Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена ни электронными, ни механическими, ни иными средствами, [...] за исключением коротких отрывков, которые могут быть помещены обозревателем в обзоре или критической статье...» Оно и понятно – люди платили немалые деньги за договор, переводили, мучались, и теперь вполне обоснованно хотят сохранить свою интеллектуальную собственность от возможных посягательств. Однако воспользуемся предоставленным нам правом, и попробуем разобраться, насколько претенциозная реклама на задней стороне обложки («Его называют «Льюисом Кэрролом» двадцатого века...», «самый выдающийся из современных американских прозаиков», и т.д.) соответствует содержанию ярких, украшенных рисунками Хасими Сораямы томов.

Автор этих строк никоим образом не претендует на звание знатока английского языка, и не может сказать ровным счетом ничего – ни хорошего, ни плохого, – о качестве оригинальных произведений, ставших основой для этих томов. Но логично было бы предположить, что художественный текст, изданный на русском языке, заслуживает рассмотрения с точки зрения правил и норм именно русского языка. А вот в этом плане данный проект, с немалым апломбом поданный издательством «Полярис» и заявленный в качестве «престижного», иначе, чем издевательством – над автором и над читателем – не назовешь.

Для подтверждения тезиса – несколько цитат (благо издатели не возражают).

«Вероятно, за каждое из 6500 слов, из которых состоит этот рассказ, я получил больше, чем за любую другую из написанных мною вещей – возможно, за исключением «Кайся, Арлекин...», впервые опубликованного Фредериком Полом. И это не случайность, потому что этот рассказ не появился бы на свет, если бы Фред не купил и не опубликовал «Арлекина» в 1965 году. Но... об этом потом». (Из авторского предисловия к рассказу «У меня нет рта, а я хочу кричать» в переводе В.Гольдич и И.Оганесовой).

Кто возьмет на себя труд подсчитать, сколько раз в последних трех предложениях было использовано слово «это»? Ну, так я подскажу – четырежды. Что, впрочем, само по себе совсем не страшно – будь это слово каждый раз употреблено в нужном месте и в нужный момент, вноси оно дополнительную

ясность в сказанную писателем фразу. Однако в данном случае смысловая нагрузка этой громоздкой конструкции лишь становится еще более туманной. Который из двух рассказов «...не появился бы на свет, если бы Фред не купил и не опубликовал «Арлекина»? Сам «Арлекин» (что вполне логично), или «У меня нет рта...»? Немного поломав голову, конечно, можно уяснить – из контекста – что имелось в виду именно второе произведение. Но из процитированного отрывка ничего подобного не следует. И ведь это только одна фраза из множества подобных!

«К своему великому отвращению я понял: вера – нечто вроде рынка ценных бумаг. (Хотя кому-кому, а Богу должно быть известно, что зарплата младшего преподавателя латиноамериканской литературы не позволяет ему развлекаться биржевыми операциями).» («Труп» в переводе В.Гольдич и И.Оганесовой).

Прошу отметить: повествование в рассказе ведется не от имени г-на Бога. Более того, у меня закрадываются смутные подозрения, что богу нет нужды заниматься биржевыми операциями, и тем более он вряд ли получает зарплату латиноамериканской литературы.

«Проснувшись однажды после беспокойной ночи, Моби Дик обнаружил, что превратился на своем ложе из бурых водорослей в чудовищного Ахава.» («Дрейфуя у островов Лангерганса: 38 градусов 00' 13" западной долготы», перевод В.Гольдич и И.Оганесовой.)

Допущенная в этом предложении стилистическая ошибка, если не ошибаюсь, рассматривалась в свое время в пятом классе среднеобразовательной советской школы. Если следовать логике абзаца, то получается, что раньше Моби Дик представлял собой кучу бурых водорослей, и ни что иное, а потом вдруг превратился в «чудовищного Ахава». Мелвилл был бы в восторге, ничего не скажешь. Наверное, в тот день, когда на уроке русского языка должны были проходить эту ошибку, Гольдич и Оганесова занимались чем-то более интересным. Например, изобретали сколь можно более громоздкие словесные конструкции. Как вам нравится «человек, менее склонный к выживанию» (в смысле, «менее стойкий», не обладающий бойцовским характером)? Блестящая стилистическая находка, не правда ли? Безусловно, для этого тоже требуется определенный талант. Только очень уж специфического плана.

Понятно, что господам издателям из «Поляриса», чья штаб-квартира расположена, судя по выходным данным, в Риге, не обязательно владеть государственным языком страны-соседа. Но был ли в таком случае смысл публиковать книги именно на русском? Тем более, что в качестве редактора сего безобразия значится Владимир Баканов, обвинить которого в незнании стилистических азав как-то не поворачивается язык. Наверное, поэтому ощущение, что Баканов только значится редактором, по мере чтения этих томов все усиливалось, пока не переросло в стойкую уверенность. Более-менее грамотные переводы (Геннадия Корчагина, Элеоноры Раткевич) оказываются буквально погребены под грудой официально одобренной ФЛП-шки. Неправильные стилистические конструкции и полное пренебрежение редактурой прямо-таки бьет по глазам. Понятно, что издатели торопились «застолбить рынок» – но едва ли это обстоятельство способно оправдать в глазах читателя появление на книжных лотках откровенного полуфабриката, малопригодного к употреблению. И самым большим издевательством звучат на этом фоне слова Эллисона, призывающего в предисловии громы и молнии на головы издателей из «Азбуки» – в том числе и за низкое качество «азбучных» переводов, – и при этом льстиво называющего «Полярис» «благородным (и мудрым) издателем». Интересно, покровительственное отношение автора к безусловно мудрым господам из «Поляриса» не поменяется на прямо противоположное, когда Эллисону станет понятно, что трехтомник выставил его перед отечественным читателем самоуверенным графоманом, претендующим на многое, но при этом совершенно не умеющим самых элементарных вещей?..

Подведем итог. Безусловно, издательство, заплатившее свои кровные доллары за права на публикацию какого-либо материала, вправе выпускать этот материал так и в том виде, в каком ему, издательству, заблагорассудится. При этом у издателей, не рассчитывающих на значительную прибыль от тиража в десять тысяч экземпляров, нет никакого стимула особенно напрягаться при работе с очередной книгой. И если отечественный автор еще может лично повлиять на работу с его текстом, или, в худшем случае, высказать все, что он думает о своих издателях, постфактум, то автор зарубежный такой возможности лишен. Средний же тираж разойдется гарантированно, независимо от того, что содержится под яркой обложкой. Таким образом получается, для читателя, уставшего от ФЛП и не владеющего иностранными языками, пиратская вольница прошлых лет и монополизм издателей нынешних – две стороны одной медали.

Только вот выглядит эта медаль что-то уж больно непрезентабельно. Словно и не из золота она сделана, а из плохонького олова, слегка покрытого сверху золотой амальгамой...

23.04.1998

Библиотека герцога Бофора

Антон Эррандал (Киев)

НОВЫЕ СКАЗКИ СЕВКИ ГЛУЩЕНКО

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА №2

Один принц поехал как-то путешествовать и заехал в сонное царство – все кругом спали. Он зашёл в королевский замок, поднялся на верх башни и увидел девушку ослепительной красоты, которая спала, как и всё кругом. «Кто она, как же мне разбудить её?» – в отчаянии воскликнул принц. У изголовья появилась фея и ответила ему: «Это принцесса, а чтобы разбудить её, ты должен поцеловать всех спящих в этом королевстве». «Да ну её на фиг», – подумал принц, сел на коня и уехал.

ЗОЛУШКА

Золушка жила плохо. Злая мачеха загружала её тяжёлой работой, а Золушка хотела увидеть принца. Для этого нужно было попасть на бал, а попасть было не в чем. Тогда Золушка обратилась к фее за помощью и попала на бал в карете и в наряде. Незадолго до полуночи Золушка исчезла в наряде, оставив принца в недоумении с каретой на руках. В полночь карета превратилась в тыкву, а принц представил себе, во что превратилась Золушка, и содрогнулся.

РУСАЛОЧКА

Русалочка жила в морском королевстве и была вполне счастлива, пока не влюбилась всё в того же принца. Морской король был твёрд и поселить принца у себя отказался. Тогда морская ведьма, его жена, назло ему сделала Русалочке ножки. Русалочка вышла на берег и пошла танцевать с принцем, так что вскружила ему голову, и он подписал брачный контракт с передачей всех владений супруге. Русалочка примчалась к отцу с контрактом в руках, и он, прослезившись, принял в свои объятия принца вместе со всеми его владениями. Так погибла Атлантида.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Однажды Иван-царевич пошёл гулять по болоту и наткнулся на жабу. Только Иван-царевич собрался было жабу обойти, как она ему и говорит:

– Поцелуй меня, Иван-царевич!

Иван удивился и говорит:

– А зачем мне жабу целовать?

– А я стану тогда девицей-красавицей...

«Девушка-красавица – это хорошо», – подумал Иван и поцеловал жабу. И впрямь: выросла жаба, шкуру зелёную сбросила и превратилась в красавицу... А Иван-царевич превратился в жабу.

Наш фотоархив

«Аэлита»: страницы истории

13. 05. 1988

24. 05. 1991

19. 04. 1989

19. 04. 1989

22. 04. 1992

13. 04. 1988

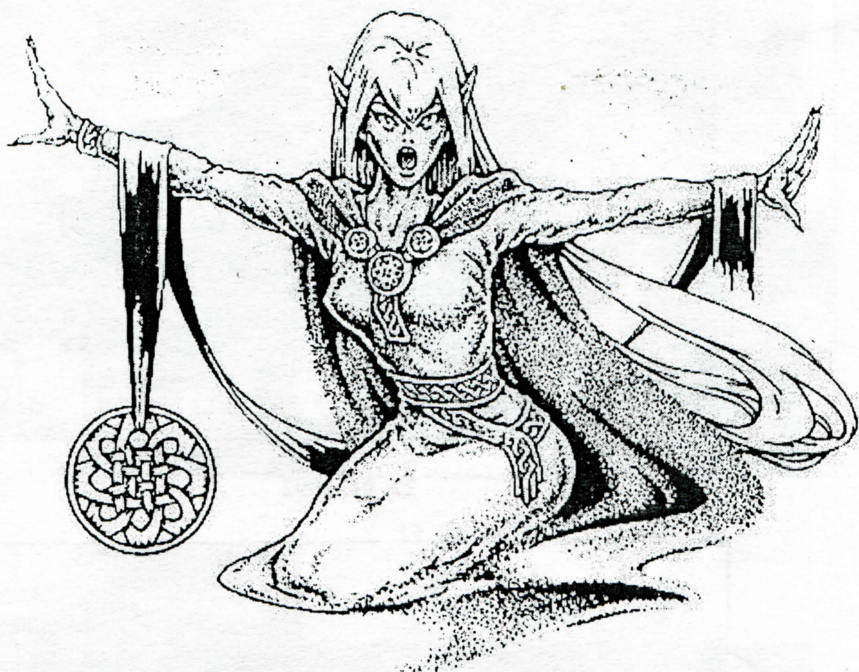

Рис. В. Мартыненко

Редакция благодарит за помощь в тиражировании журнала издательство «Terra Fantastica».